

**Игорь Владимирович Вардунас
Никита Аверин
Реконструкция. Возрождение
Серия «Хронос», книга 5**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880637

Реконструкция ; Возрождение : фантастические романы / Никита Аверин, Игорь Вардунас.:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72473-4

Аннотация

Грандиозный финал самого непредсказуемого литературного проекта в отечественной фантастике. Противостояние двух корпораций «Хронос» подходит к концу, и судьба всего мира теперь зависит от решения одного-единственного человека. Удастся ли ему разорвать временную петлю, в которую, как в ловушку, угодила Вселенная? И по чьей прихоти появились на свет загадочные корпорации, меняющие мировую историю в одном только им ведомых целях?

Ответы на эти и другие вопросы вы узнаете, прочтя завершающие романы цикла!

Содержание

Реконструкция	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	29
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Никита Аверин, Игорь Вардунас

Реконструкция. Возрождение

© Аверин Н., Вардунас И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Реконструкция

Эту книгу мы посвящаем Великим Людям. Всем тем, кто, сражаясь и умирая в нечеловеческой борьбе за будущее, своей жертвенностью и отвагой подарили нам настоящее.

Глава первая

Когда свобода умерла
И правда отрицалась,
Мы все попали на поезде в один конец,
Идущий прямо в Ад.
Войдите в ворота!

Когда свобода полыхает в огне,
Окончательное решение —
Расстаться со своей мечтой,
И всякая надежда обернётся прахом,
Когда миллионы горят...

Занавес упал,
Потерянные для мира, они сгнули в огне...

Sabaton, «The Final Solution»

Польша, Собибор, 1943

Когда эшелон с заключёнными достиг района Люблина, среди узников впервые прозвучало страшное слово «Собибор»¹. Юный Яков Штейн не понимал, что послужило причиной для волнений. Всё, что он видел сквозь узкие щели в дощатых стенах вагона, мало чем отличалось от виденного им ранее. Всё та же лесистая местность, покосившиеся дома и заброшенные поля. Но стоило поезду сделать непродолжительную остановку на полустанке с указателем «Еврейский переселенческий лагерь», как запертые в вагонах люди заволновались.

— Мама, — Яков обратился к стоящей рядом женщине в коротком поношенном пальто, — что происходит?

— Ничего, Яшенька, всё хорошо, — женщина крепко обняла сына, стараясь не выдать перед ним своего испуга. В отличие от детей, взрослые прекрасно понимали, что ждёт их в конце этой поездки. Но они ещё не знали, насколько страшнее окажется реальность по сравнению с их самыми мрачными ожиданиями.

Единственным исключением являлся Михолок Штейн, отец Якова, который с самого начала знал, что им всем уготована смерть. Ещё в Варшаве, при посадке на поезд, Михолок стал ждать смерти, и потом всё время, каждую минуту, секунду, он знал, что его и членов его

¹ Спецлагерь СС «Собибор» — один из основных лагерей массового уничтожения, располагавшихся в годы Второй мировой войны на территории Польши, неподалёку от деревни Собибор. Функционировал с мая 1942 г. по октябрь 1943 г.

семьи могут убить в любой момент. Просто выстрелят в затылок за то, что ты поднимешь глаза на охранника, или за то, что не расслышишь приказа, или просто конвоир окажется в плохом настроении.

Штейн-старший знал, что их везут в лагерь уничтожения. Знал, что четверо суток в тесном вагоне без окон и элементарных удобств станут последними днями в их жизни. Когда поезд достигнет конечной станции, то ему, его жене Марии, а также их сыну Якову и дочке Еве придёт конец.

Но Михолок не делился своими догадками с окружающими, даже с женой. Несмотря на страх и отчаянье, он верил в то, что бог не оставит их и не допустит столь чудовищного преступления. Погибнуть могут другие, только не он и не его семья.

Тем временем железнодорожное полотно плавно уводило поезд всё глубже в лес, пока не упёрлось в тупик, в котором располагался лагерь. Эшелон постепенно замедлял ход, пока, наконец, не остановился.

Перед взором Якова, вновь приникшего к щели в стене, простирался длинный, переплетающийся с сосновыми ветками забор из колючей проволоки. Как загипнотизированный, Яков уставился на готические буквы сверху над воротами, ведущими внутрь: «SS-Sonderkommando Sobibor»².

За закрытыми дверьми вагонов раздавался собачий лай и отрывистые команды на немецком языке. Через некоторое время двери распахнулись, и узников ослепил яркий направленный свет прожекторов.

– На выход! Быстро, быстро!

Вошли несколько солдат и принялись выгонять пассажиров из вагона, придавая вес своим командам при помощи тумаков и зуботычин. Они не делали разницы между тем, кого ударить, с одинаковой жестокостью избивая женщин, детей и стариков.

– Пойдёмте, быстрее! – Михолок схватил жену за руку и потянул к выходу из вагона. – Дети, держите нас за руки! Ни в коем случае не отпускайте...

Произнести фразу до конца Штейн-старший не успел. Пространство вокруг них наполнилось грохотом выстрелов и последовавшей за этим какофонией криков боли и ужаса. Побоями и бранью евреев выталкивали из вагонов и загоняли на специальную разгрузочную платформу.

Яков, охваченный паникой, крепко ухватился за руку матери и испуганно озирался по сторонам.

Оказалось, что внутрь лагеря доставили не весь эшелон, а только первые пять вагонов. Площадку, на которую выгнали узников, с трёх сторон охраняли солдаты в форме СС и травник³, от которых сильно разило спиртным.

– Внимание! Просьба построиться; женщины налево, мужчины направо.

Несколько травников из оцепления врезались в столпившихся узников и силой стали рассортировывать их на женскую и мужскую половины. При этом они требовали отдать багаж.

– Не беспокойтесь, вам всё вернут! – улыбался травник, буквально вырывая из рук Михолока чемодан со всеми оставшимися после погромов пожитками семьи Штейн. – А сейчас встаньте в правую очередь!

– Простите, но... – попытался было возразить Михолок, но травник его не слушал. Штейн растерянно посмотрел на жену: – Прости, милая, я не смог ему помешать.

² «Зондеркоманда СС «Собибор» (нем.).

³ Коллаборационисты, бывшие военнопленные из Красной Армии, называемые так в связи с тем, что большинство из них прошли обучение в лагере «Травники».

– Всё хорошо, Михолок, – жена постаралась приободрить мужа. – Он сказал, что мы получим вещи назад.

– Ты что, и правда ему веришь? Мария, ты до сих пор не понимаешь, куда нас привезли? – возмутился Штейн. Мужчина был напуган и унижен и чуть не выплеснул своё отчаянье на жену.

– Михолок, не повышай голос при детях! Им и так страшно.

Штейн примолк, но было поздно. То, что он боялся озвучить во время четырёхдневного переезда, наконец-то прозвучало. Его слова заронили зерна страха.

Стоявшие рядом с ними люди стали настороженно оглядываться вокруг. Несмотря на улыбочивые лица охранников и их слова о том, что здесь узникам нечего бояться, многие из прибывших догадались о том, какая участь их ждёт.

Над лагерем стоял смрад от разлагающихся тел.

Поднялся шум, плач и крики. Люди принялись валяться по земле и отказывались подчиняться приказам охранников.

– Прекратить панику! Немедленно построиться и пройти к навесам! – заорал в жестяной рупор офицер, судя по лычкам, унтершарфюрер СС. Людей, оказавших сопротивление, травники принялись избивать плётками, прикладами карабинов и просто руками и ногами. Несколько солдат из оцепления вновь выстрелили в воздух. Унтершарфюрер продолжал успокаивать толпу: – Вам нечего бояться! Вы обязаны помыться в бане, после чего вас отправят работать в Украину.

Прибывшие на поезде люди сдались. Подгоняемые ударами охранников, наконец-то стали строиться в мужскую и женскую очереди.

– Михолок! Яков! – в отчаянье закричала Мария, когда коренастый травник грубо вырвал её из объятий мужа и оттолкнул сына в сторону мужской половины толпы.

– Не смей трогать мою жену!

Это стало последней каплей. Штейн-старший бросился на обидчика с кулаками. Но что хилый учёный мог противопоставить злобному громиле. Травник лишь раз ударил Михолока прикладом автомата в солнечное сплетение, и тот без чувств рухнул на землю.

– Нет! – Мария из последних сил пыталась дотянуться до распростёртого на земле мужа, но толпа волокла её в противоположную сторону. Женщине ничего не оставалось, кроме как пытаться удержать рядом с собой плачущую Еву. – Яков, позаботься об отце...

Юноша бросился на помощь Штейну-старшему, но ему помешал солдат, держащий на поводке хищно оскалившую пасть овчарку.

– Куда прёшь, собака? – немец преградил Якову дорогу к отцу и показал пальцем в сторону одного из навесов: – Мужская раздевалка в той стороне. Иди! Или ты хочешь, чтобы я Mensch⁴ помог тебе найти дорогу? Шевелись, еврейская собака!

Яков, который к этому моменту уже пребывал в полуобморочном состоянии, послушно побрёл в указанном направлении.

«Собибор» действовал как чётко отлаженный механизм. Раздевалки для мужчин и женщин представляли собой навесы, загороженные с трёх сторон. Люди, подгоняемые ударами охранников, быстро раздевались и отдавали вещи источающим сивушный аромат травникам. Рядом с раздевалками имелось помещение, называемое «кассой», куда надлежало сдавать ценности.

– Не волнуйтесь! После бани вы получите свои вещи в целости и сохранности! – уверял запуганных людей коренастый травник, забирая деньги у очередного несчастного.

– Простите, но как вы поймёте, кому и что возвращать? – в недоумении спросил отдававший ему деньги толстый поляк, трясущийся от холода и страха.

⁴ Человек (нем.).

– У нас ничего не пропадает! Пошёл, не задерживай очередь! Следующий!

В женской половине раздевалки не только заставляли раздеваться догола, но стригли женщинам волосы. Срезавший локоны практически под корень цирюльник успокаивал плачущих женщин.

– Это всё ради вашей пользы, милочка! В дороге вы могли подхватить вшей. А после бани мы выдадим вам чистую одежду, и вы можете больше ни о чём не волноваться. А волосы ещё отрастут!

Охранники уже теряли последний налет дружелюбности и постоянно подгоняли и торопили людей. А если кто-то не хотел или медленно раздевался, то тут же начинали избивать плётками, прикладами или травили собаками.

От каждой из раздевалок далее шёл коридор длиной в сорок метров и шириной около трёх метров. Женщин с детьми направляли в один коридор, мужчин в другой.

– Снять одежду! – один из травников в мужской раздевалке ткнул дубинкой в плечо Якова Штейна. – Ценные вещи сдать в кассу!

Двигаясь словно во сне, Яков вывернул карманы своего пальто, в которых практически ничего не было. Лишь пара грошей и несколько листов бумаги.

– Что это? – спросил коренастый травник-кассир, разворачивая листки. Яков запоздало понял, что это чертежи отца, неведомо каким образом оказавшиеся во внутреннем кармане его пальто. – Ты, Штейн, инженер-конструктор?

Штейн-младший автоматически кивнул, слабо понимая в этот момент, что происходит вокруг него. Тем временем коренастый что-то сказал стоявшему неподалёку эсэсовцу. Тот схватил Якова за рукав и оттащил в сторону.

– Стой здесь. Пойдёшь в другой очереди.

Яков вновь кивнул, выискивая глазами в толпе свою семью. Но перед его взглядом всё плыло, нагие лысые люди были абсолютно идентичны. Ему не оставалось нечего иного, кроме как стоять и наблюдать за происходящим со стороны.

Только сейчас он заметил, что немцы отделили от общей толпы не только его. На площадке перед вагонами остались старики и те люди, кто не имел сил передвигаться самостоятельно. Но почему-то их тоже заставляли раздеваться и отдавать ценные вещи и деньги.

Тем временем нагих и остриженных людей стали сгонять группами в коридоры рядом с раздевалками. Каждую группу сзади подгоняли немцы с плётками и травники с палками, которыми избивали жертвы в случаях, когда последние оказывали сопротивление и не желали идти в бани.

Перед самым входом в душевые кабины началось сопротивление, люди не хотели заходить в них, но охрана, применяя насилие, загнала нагих мужчин и женщин внутрь. Когда почти вся партия приехавших, около восьмисот человек, оказалась в бане, дверь плотно закрылась.

Люди замерли в испуганном ожидании. Окон в здании бани не было, только сверху было стеклянное окошечко, через которое на столпившихся внизу людей смотрел улыбающийся немец.

– Михолок! Яков! Ева! – Мария Штейн в ужасе металась по забитой голыми телами женской душевой и пыталась отыскать своих родных. Но вокруг были лишь голые напуганные женщины и дети. Мария глотала слезы и почти впала в отчаянье, когда навстречу ей кинулась худенькая, бритая наголо девочка.

– Мама!

– Ева, доченька моя! – Мария прижала к себе дрожащее, словно лань, тело дочери и стала неистово целовать её бритую головку. – Что же они с тобой сотворили, маленькая моя? Они тебя били? Ты видела папу? А Якова?

Но дочь лишь отрицательно мотала головой в ответ.

Запертые в душевых люди не знали, что немец на крыше, которого в лагере называли «банщиком», махнул рукой, подавая сигнал. В пристройке рядом с баней заработала машина.

– Мама, что это? – Ева смотрела на мать огромными карими глазами.

– Не знаю, доченька...

Мария действительно не знала, что шум издают несколько старых танковых моторов, вырабатывающие удушающий газ, который поступал в баллоны, из них по шлангам и трубам – в помещение «бани».

Через пятнадцать минут все находившиеся в камере были задушены.

«Банщик», следивший через своё окошечко за процессом умерщвления, ещё раз махнул рукой, и подачу газа прекратили. Полы в газовых камерах, которые прибывшие в лагерь люди принимали за душевые кабины, механически раздвинулись, и трупы свалились вниз, в подвал, в котором находились вагонетки.

«Рабочая команда», состоявшая из числа таких же узников лагеря, складывала трупы казнённых в вагонетки и вывозила свой страшный груз из подвала в лес, где был вырыт огромный ров, в который сбрасывались трупы.

Трупы, мокрые от пота и мочи, с ногами, запачканными экскрементами и кровью, выбрасываются наружу. Высоко в воздух подлетают детские тельца. Плётки травников подгоняют заключённых из «рабочей команды». Две дюжины дантистов в поисках золотых коронок крюками открывают челюсти. Другие дантисты выламывают золотые зубы и коронки при помощи щипцов и молотков.

Всего этого Яков Штейн ещё не видел. Всё его внимание в тот момент было приковано к оставшимся на платформе людям.

– А куда их? – обратился Яков к стоящему рядом солдату.

– В лазарет, – усмехнулся тот в ответ. И эта улыбка очень не понравилась молодому Штейну. Больше всего она напоминала волчий оскал.

Стоявшие в оцеплении травники и немцы собрались вокруг скопившихся в центре платформы больных, истощённых стариков и маленьких детей, не способных дойти до «бани» самостоятельно.

– «Рабочая команда»! Приступайте! – командовавший разгрузкой унтершарфюрер СС взмахнул рукой, и на платформе появились несколько десятков человек в лагерной форме с номерами.

Люди из «рабочей команды» подбирали лежащих на земле стариков и больных, брали за руки детей и направлялись в сторону места, огороженного колючей проволокой с ветками. Вслед за ними пошли и несколько травников и немецких солдат, перезаряжавших на ходу винтовки.

Якова затрясло от осознания происходящего. В так называемом «лазарете» не собирались лечить. Там была лишь яма, на краю которой люди из «рабочей команды» оставляли своих подопечных и спешно покидали место будущей казни, оставляя жертв наедине с их палачами. Травники неторопливо встали строем за спинами молчащих стариков и детей, отошли на пять шагов назад, вскинули винтовки и прицелились.

– Почему они не плачут? – всё ещё не способный поверить в происходящий на его глазах кошмар, Яков не мог оторвать взгляд. – Почему дети не плачут?..

Грохот выстрелов.

– Давайте следующую партию! – приказал унтершарфюрер и широко зевнул. – Хорошо бы управиться до ужина. Не хотелось бы из-за этого мусора есть остывшее жаркое.

* * *

Большинство заключённых, привозимых в лагерь «Собибор», умерщвляли в тот же день в газовых камерах. Лишь незначительную часть оставляли в живых и использовали на различных работах в лагере. Их называли «рабочей командой», в которую входило несколько сотен евреев. Их заставляли обслуживать газовые камеры, заниматься ликвидацией трупов и сортировкой изъятых вещей. Тех, кто утрачивал работоспособность, уничтожали, заменяя наиболее сильными мужчинами из очередной партии. Квалифицированные рабочие и инженеры находились в несколько лучшем положении, чем остальные узники, с которыми, как правило, обращались крайне жестоко.

Якову Штейну, по стечению обстоятельств, удалось оказаться в числе таких выживших. Его спасением стали чертежи отца, на которые наткнулся при обыске один из травников. Якова посчитали инженером и оставили живым. Что стало с самим Михолоком, Штейну-младшему узнать так и не удалось. Он не мог вспомнить, видел ли отца среди угодивших в тот день в «баню» или «лазарет», но среди выживших его точно не было.

С людьми в лагере обращались как со скотом – очень жестоко. Травники и немцы избивали узников по поводу и без повода. Поэтому Яков старался не попадаться им лишний раз на глаза. Стоило встретиться с кем-то из них взглядом, и провинившийся получал удар кнутом. И это в лучшем случае. Также стоило остерегаться капо⁵, перейти дорогу которым означало верную гибель от рук травников.

Первые недели заключения Яков посвятил изучению «Собибора» и его внутреннего мироустройства. Одним из главных для него открытий стало то, что в лагере содержались не только евреи из генерал-губернаторства⁶, но и из оккупированных германской армией районов Советского Союза, а также из Чехословакии, Австрии, Литвы, Нидерландов, Бельгии и Франции.

«Собибор» построили польские евреи, мобилизованные на принудительные работы, и советские военнопленные. Лагерь окружали четыре ряда колючей проволоки, с вплетёнными в них ветками деревьев, высотой под три метра. Пространство между третьим и четвёртым рядами было заминировано, а между вторым и третьим ходили патрули. Днём и ночью на вышках, откуда просматривалась вся система заграждений, дежурили часовые.

Внутреннее пространство лагеря делилось на четыре основные части – «подлагеря», у каждого было своё строго определённое назначение. В первом находился рабочий лагерь, мастерские и жилые бараки. Во втором – парикмахерский барак и склады, где хранили и сортировали вещи убитых. В третьем находились газовые камеры, где умерщвляли людей. В зоне номер четыре планировали заниматься переоснащением трофейного советского вооружения.

Комендантом лагеря являлся обершарфюрер СС Карл Френцель. Это был зверь: если замечал какое-то неповиновение, если что-то ему не нравилось, он доставал оружие и убивал. Он был из тех, кто убил тысячи людей, убил собственноручно, убил с наслаждением. Его любимым развлечением было кинуть на землю бумажку и велеть узнику поднимать ее. Тот нагибался, и комендант стрелял ему в затылок. Причем Якова поразило то, что Френцель всегда аккуратно отступал на шаг, чтобы не забрызгать форму.

Вновь прибывшим на службу в лагерь комендант в краткой форме объяснял, что здесь производится «переселение евреев на тот свет».

⁵ Надсмотрщики без оружия из заключённых.

⁶ Так называемым «генерал-губернаторством» являлись территории Польши, оккупированной Германией во время Второй мировой войны. Официальное название – «Рейхскомиссариат Украина».

Штаб коменданта состоял из трёх десятков унтер-офицеров и ещё трёх десятков солдат СС, многие из которых имели опыт участия в программе по эвтаназии. Рядовых охранников или «вспомогательную полицию» для несения службы по периметру лагеря набрали из травников и гражданских добровольцев. Все они были людоедами, вели себя как звери.

* * *

Дни лагерной жизни текли для Якова Штейна подобно древесной смоле. Смола стала для него символом его жизни. Он чувствовал себя мошкой, застывшей в капле янтаря. Ежедневный кошмар – и днём и ночью вокруг юноши царили смерть и отчаянье. Жизнь для юноши свелась к ожиданию того, что его кто-то убьёт за провинность или ради развлечения.

Боль, холод, страх и голод. Якову постоянно хотелось есть, но он ещё не дошёл до того, чтобы грызть кору деревьев, как делали многие узники. Травники кормили тех, кто ещё мог работать. Так что Штейн старался изо всех сил, хотя умом он понимал, что надолго его не хватит.

В пять утра заключённых поднимали с холодных нар и отправляли на железнодорожную платформу встречать новые эшелоны смертников. Каждый день в «Собибор» прибывали колонны голландских, польских и чешских евреев, которых отправляли на прогулку по «химмельштрассе»⁷, после чего уничтожали и сжигали, оставляя на работы совсем немного человек.

«Рабочая команда» увозила в лес так много тел погибших евреев, что люди в окрестных деревнях шептались, что рвы в лесу переполнены покойниками – стоит нажать ногой, как из-под земли выступает кровь.

Если Якову везло, то его отправляли на сортировку. Тысячи мужских костюмов и комплектов белья, десятки тысяч комплектов женской и детской одежды. Золотые зубы переплавят в слитки и сдадут в Рейхсбанк на счета СС, а стекла очков пойдут на новые очки для немцев.

Противнее всего было сортировать волосы, которые отсылали на фабрику рядом с Нюрнбергом, где изготавливали войлок. Он шёл на зимнюю форму для солдат вермахта. Травники говорили, что часть волос идёт на изготовление мягких тапочек для экипажей подводных лодок, так как на лодке нельзя шуметь. В общем, спрос на волосы в Третьем рейхе был большим. При одной только мысли об этом Якова начинало тошнить.

Через месяц своего пребывания в «Собиборе» Яков стал всерьёз задумываться о побеге. Он знал, что мероприятие это опасное, но вполне возможное. Соседи по бараку рассказывали о том, как под прошлый Новый год из зоны уничтожения бежали пятеро узников-евреев. Но польский крестьянин донёс о беглецах, и польской «синей полиции» удалось их поймать. В качестве карательной акции в лагере было расстреляно несколько сотен заключённых. Говорили о ещё одном заключённом, который смог спрятаться в товарном вагоне под горой одежды, принадлежавшей убитым.

Но серьёзный удар по мечтам Якова нанесла неудавшаяся попытка побега, произошедшая прямо у него на глазах. Несколько человек отказались идти в газовую камеру и бросились бежать. Некоторых из них застрелили возле ограждения лагеря, других поймали и жестоко терзали в течение нескольких дней, пока не замучили до смерти.

До октября сорок третьего года всё существование Якова Штейна было пронизано ожиданием смерти и видением смерти других заключённых. Каждый час, каждый миг окружающий мир ломал его уверенность в том, что он сможет выжить. Единственным спасением для него стала мысль, которую он повторял вновь и вновь: я должен вырваться отсюда.

⁷ «Дорога в рай». Так эсэсовцы называли коридоры из колючей проволоки, ведущие к газовой камере.

Яков знал, что как только вера в освобождение исчезала, человек погибал. Поэтому Штейн продолжал верить несмотря ни на что.

– Я выживу! – шептал он холодными ночами. – Выживу и найду способ отомстить.

* * *

Всё изменилось в тот день, когда в битком набитом вагоне из Минска в «Собибор» доставили Печерского.

Это случилось в конце сентября, когда в лагерь прибыл эшелон с военнопленными евреями во главе с советским лейтенантом Сашей.

Поскольку Саша был офицером, его не отправили сразу «попариться» в лагерной бане, а оставили для допроса. Поселили Печерского в том же бараке, где жил Яков Штейн, и именно Яков был первым, с кем лейтенант заговорил.

– Да, парень, у тебя не лицо, а северное сияние!

Штейн озадаченно посмотрел на русского. Во-первых, среди узников было не принято так громко общаться, так как это могло привлечь внимание капо или охранников. Во-вторых, Яков просто не понимал, о чём говорит собеседник.

– Не понимаешь, что ли? Северное сияние. Нордлихт⁸. Короче, синяк у тебя знатный, парень.

– Теперь понял, – кивнул в ответ Штейн, догадавшись наконец, что тот имеет в виду. Прошлым вечером Яков попал под горячую руку одному из травников, которому показалось, что еврей медленно закапывает яму для трупов. Выхватив из рук испуганного Якова лопату, травник с размаху ударил ею заключённого по лицу. Повезло ещё, что удар пришёлся плашмя. В противном случае, Штейн тут же и пополнил бы содержимое могильной ямы, а не ходил на полусогнутых ногах с огромным фиолетово-зелёным синяком на пол-лица. – Нордлихт – это северное сияние по-немецки? Красиво, надо будет запомнить.

– Приятно познакомиться! – русский встал со своего места и протянул Якову руку. – А меня зовут Александром Печерским. Но ты можешь называть меня Сашей.

– Яков Штейн, – юноша ответил на крепкое рукопожатие. – Но ты можешь звать меня Нордлихт.

В тот момент Яков ещё не знал, что всего через три недели Печерский вытащит его из этого ада.

⁸ Nordlicht – северное сияние (нем.). Возможно, советский офицер знает значение этого немецкого слова в связи с несостоявшейся операцией фашистских войск по захвату Ленинграда.

Глава вторая

Твои глаза почти мертвы.
Ты не можешь встать с постели,
И ты не можешь уснуть.
Ты смотришь в свои глаза в отражении,
И тогда ты понимаешь,

Что все уходят,
Оставляя
Тех, кто отстаёт.
Что все уходят
Так далеко, как могут.
Им просто не всё равно...

Placebo, «Holocaust»

– Нордлихт, расскажи мне про лагерь.

Улучив момент, когда в столярной мастерской они остались вдвоём, Саша встал за соседний со Штейном стол. Сегодня им было поручено сколотить три гроба для травников, погибших во время недавней аварии. Немецкие подручные, изрядно приняв на грудь слабо-разбавленного водой медицинского спирта, решили отправиться за добавкой. Пьяные, они сели на мотоцикл с коляской и отправились в ближайшую деревню, намереваясь экспроприировать всё спиртное, какое только смогут найти. Но неподалёку от лагеря управлявший мотоциклом травник то ли заснул, то ли потерял сознание и направил стального коня в кювет. Двое погибли на месте, а третий, тот самый, что был за рулём, протянул до полудня, оглашая лагерьный лазарет предсмертными воплями, пока, наконец, не испустил дух.

Яков, размечавший необходимую длину для досок, испугался. Но оглядевшись по сторонам, облегчённо вздохнул. Никого из надзирателей или капо поблизости не обнаружилось.

– Что именно ты хочешь знать? – не переставая заниматься своим делом, тихо спросил Яков.

За время пребывания в «Собиборе» Штейн успел побывать почти во всех его частях. Сам лагерь, по примерным расчётам Якова, занимал площадь около двенадцати гектаров, но он не был в этом уверен, так как в некоторые части лагеря путь ему был закрыт.

– Я был только в бараках, где мы ночуем, и в этой мастерской, – Печерский принялся пилить доски по отмеченным Яковым линиям. Ритмичный звук пилы практически заглушал их голоса. – А что в остальных частях лагеря?

– Сейчас мы с тобой в так называемом Первом секторе, или «подлагере». Здесь у немцев оборудованы мастерские: портняжная, сапожная, столярная. Это, кстати, объясняет, почему таких, как мы с тобой, не убили сразу. – Яков закончил разметку доски, переложил её на стол Саше и принялся за следующую. – Немцам нужны водопроводчики, слесари, столяры, плотники и обслуживающий персонал.

Из прибывших в первых партиях евреев несколько сотен было отобрано для работы в мастерских. Число этих евреев со временем достигло примерно тысячи человек, из них около полутора сотен девушек и женщин.

– Ага, – кивнул в знак согласия Печерский, – эти твари желают получать удовольствие от жизни. Я видел, как женщины-заключённые вяжут им носки и гладят рубашки. Они даже оставили в живых художника, еврея из Амстердама. Заставляют его рисовать их порт-

реты. Я записался столяром ещё в Смоленском лагере для военнопленных, хотя столярным делом никогда не занимался, – Печерский пустился в воспоминания. – Однажды ночью привезли одиннадцать убитых эсэсовцев, которых покروшили в капусту наши партизаны. Надзиратель распорядился сколотить одиннадцать гробов. Мы работали с великим усердием и думали: почаше бы случалась такая работёнка. Меня греет одна только мысль, что ещё несколькими фрицами на земле стало меньше. А что происходит в остальных секторах?

– Во втором секторе у них хозяйственный двор. Там держат кроликов и гусей, чтобы лагерная охрана не голодала.

Сказав это, Яков вспомнил недавний случай. Спавший по соседству с ним Шауль Штарк ухаживал за упомянутыми гусями. В его обязанности входило ежедневно кормить и взвешивать своенравных птиц. Но один гусь неожиданно заболел и умер. Узнав об этом, эсэсовцы Френцель, Бредов, Вагнер и Вайсс обвинили в гибели птицы Штарка и тем же вечером попросту забили Шауля плетями до смерти. Бедняга буквально выл от боли, но с каждым ударом всё тише и тише.

– Ну а что в третьем секторе, ты и сам прекрасно знаешь, – Яков попытался прогнать из головы образ располованной до костей спины Штарка.

Третий сектор – это газовые камеры. Он был для узников «Собибора» закрыт со всех сторон. Они не могли увидеть, что происходило в этом «подлагере», потому что его окружал сосновый лесок.

Они видели лишь крышу «бани», просматривавшуюся за ветвями, и убийственное лицо обершарфюрера Бауэра, стоявшего на крыше этого здания и через маленькое окошко наблюдавшего за происходящим внутри камеры смерти. Но все без исключения узники лагеря знали, что там происходило. Знали, что Бауэр смотрит через окошко и регулирует подачу смертельного газа, проходившего по трубам, сделанным в форме водопроводных. Именно он видел, как газ душит жертв, и именно он приказывал усилить или прекратить подачу газа. Именно он обычно наблюдал за смертельными судорогами и гибелью жертв. По его приказу включали машину, открывающую пол в «бане», жертвы падали в маленькие вагонетки. Они отвозили трупы к местам массового захоронения, а позже, когда времени не хватало, в печи крематория.

* * *

Ещё некоторое время Печерский и Штейн работали в молчании. Яков продолжал искоса поглядывать на Сашу. За последние несколько дней он успел немало узнать о Саше, в основном благодаря тому, что тот охотно рассказывал о себе всякому, кто говорил по-русски.

В этом смысле Якову повезло. У него была природная склонность к изучению языков, и к пятнадцати годам он вполне сносно знал польский, немецкий, русский и немного французский и английский.

Так что к тому моменту Штейн уже успел узнать, что Александр Печерский родился в советском городке Кременчуге. Окончил музыкальную школу, затем работал на паровозоремонтном заводе. В июне сорок первого его призвали в армию, присвоили звание лейтенанта и отправили служить в штаб артиллерийского полка. Затем была операция «Тайфун», оказавшаяся неожиданностью для военачальников Сталина. В результате чего Печерский и ещё полмиллиона красноармейцев попали в окружение западнее Вязьмы. Помощи они не получили.

Лейтенант Печерский вместе с другими бойцами выносил раненого комиссара полка. После нескольких перестрелок остались без боеприпасов и угодили в засаду. Александра отправили в Смоленский лагерь для военнопленных, откуда он вместе с четырьмя товарищами по несчастью пытался бежать. Но их быстро поймали и отправили в штрафной лагерь

в Борисове, оттуда в сентябре сорок второго года перевели в трудовой лагерь СС в Минске. Год спустя его вместе с другими советскими военнопленными-евреями загнали в эшелон, идущий в Собибор.

– Мои товарищи по несчастью не получали ни еды, ни капли воды, – шёпотом рассказывал Печерский, когда они с Яковом упали на свои лежанки в бараке после отбоя. – Удивительно, что за четыре дня никто не умер. Даже двухлетняя Нелли пережила поездку, жаль только, что после сортировки я больше не видел ни её, ни её мать. Памятуя опыт жизни в других лагерях, я сразу же сказал охраннику, что я столяр, и меня направили на работу в мастерскую. По дороге туда я заметил, что к северо-западу от нас появились клубы серого дыма, уносившиеся ветром вдаль. Воздух наполнился резким запахом, запахом дыма без огня.

– Что это там горит? – спросил я невысокого и коренастого еврея, шедшего рядом со мной. «Не смотри туда, – ответил он. – Это трупы твоих попутчиков, которых привезли вместе с тобой». Тогда я почувствовал, что сейчас упаду в обморок, так как понимал, что чудом смог избежать смерти.

– Почему ты думаешь, что смог избежать смерти? – еле слышно отозвался Яков. – Мы все всего лишь получили отсрочку. Рано или поздно они перебьют нас всех. Почти каждый день сюда прибывает эшелон с двумя тысячами человек. Лагерь существует уже полтора года, и среди заключённых нет такого, кто мог бы похвастаться тем, что он здесь дольше пары месяцев.

– Жить без надежды на спасение – значит уже стать мертвецом, – ответил Печерский слишком громко и тут же осёкся. К счастью, его никто не услышал. Поняв, что дальнейшее общение на сегодня лучше прекратить, Саша и Яков отвернулись в разные стороны и постарались уснуть. Травники выделяли узникам на сон не более пяти часов в сутки.

* * *

Дни сменялись ночами, складываясь в недели жизни в аду на земле. Яков впал в немилость капо, и его перевели на работы в третий «подлагерь». Ежедневно он наблюдал за прибытием вагонов, чьи пассажиры были обречены на скорую и ужасную смерть. А Штейну надлежало быть молчаливым свидетелем этих смертей и убирать останки.

Однажды в лагерь прибыл эшелон с заключёнными в полосатых пижамах. Якова поразила их удивительная худоба – мужчины и женщины, судя по их виду, едва могли ходить. Прошел слух, что эти люди, примерно три сотни человек, прибыли из «Майданека», где газовые камеры вышли из строя. Как только заключённые вышли из поезда, их буквально согнали друг к другу. Эсэсовец Френцель отдал распоряжение, и травники взялись за канистры с хлором, выливая содержимое прямо на головы прибывшим заключённым. Травники вели себя так, словно облачённые в пижамы люди уже мертвы.

Прибытие другого эшелона ещё больше поразило Штейна. Говорили, что он прибыл из Львова, но никто точно не знал. Некоторые заключённые рыдали и рассказывали страшную историю: по дороге их травили хлором, но некоторые выжили. Трупы, которые Яков и его товарищи по несчастью доставали из вагонов того состава, были зелёными, а их кожа отслаивалась.

С определённого времени приём прибывающих эшелонов превратился в рутинную процедуру. Как только новоприбывшие выходили из вещевого барака, мужчин отделяли от женщин. Мужчин приводили от сортировочной площадки во второй «подлагерь», где они должны были сдать свою одежду, женщины делали то же самое в другой части лагеря. Если не сразу на площадке перед поездом, то после этого один из эсэсовцев выступал с кратким обращением к заключённым. Обычно, до его перевода в Треблинку, этим немцем был обер-

шарфюрер СС Герман Михель. Заключённые-рабочие называли его доктором, потому что он с обращением к толпе выступал в белом халате.

Михель говорил:

– Сейчас идёт война, потому все жители Великой Германии должны работать. Вас куда-нибудь направят. Для вас там будут созданы все условия. Детям и старикам не придётся работать, но они тоже получают достаточно еды. Вам надлежит держать своё тело в чистоте. Условия, в которых вас сюда везли, и пребывание такого большого количества людей в одном вагоне требуют от нас предпринять определённые гигиенические меры профилактики. Ваша одежда и багаж останутся под охраной. Вам нужно будет аккуратно сложить вашу одежду стопочкой и связать обувь попарно шнурками. Потом поставьте вашу обувь перед вашей сложенной одеждой. Ценные вещи, например золото, деньги и часы, сдайте вот тому человеку в кассе. Он скажет вам номер, хорошенько его запомните, чтобы потом вы легко смогли найти свои вещи. Если мы после душа обнаружим у вас какие-то ваши ценные вещи, вас накажут. Туалетные принадлежности брать с собой не нужно, потому что у нас всё есть; на двух человек приходится одно полотенце.

Обершарфюрер Михель говорил весьма убедительно, но речи его предназначались лишь для того, чтобы обмануть и успокоить узников. За умение произносить долгие фразы с елейной интонацией Яков и его товарищи называли Михеля не только доктором, но и пастором. Раз за разом он рассказывал, что «Собибор» – это всего лишь транзитный лагерь, и дальнейшая отправка в Украину – просто вопрос времени. Иногда он говорил, что заключённых отправят в Ригу.

Когда совсем похолодало, в прибывающих эшелонах стали появляться дети, которые замерзали насмерть. Яков навсегда запомнил, как командовавший в эти дни сортировкой полноватый обершарфюрер СС Густав Вагнер с сигаретой в зубах ходил вдоль выволоченных наружу детских трупиков и тыкал их замерзшие тела, как если бы это были мертвые птицы или животные.

Маленькие дети, особенно новорожденные, были излюбленной добычей для Вагнера. Яков слышал о том, что Густав любил вырывать младенцев из рук их матерей и разрывать их на куски руками. Своими глазами Штейн этого никогда не видел, но, глядя на то, как Вагнер изучает детские тела в поисках ещё дышащих, легко поверил в реальность подобных рассказов.

Штейн очень хорошо запомнил свой последний день работы в третьем «подлагере». В тот холодный вечер в «Собиборе» уничтожали его земляков, польских евреев. Далекий, глухой, барабанный звук от трупов, проваливающихся из газовой камеры в металлический кузов грузовика, всегда можно было хорошо расслышать на сортировочной площадке.

Якова включили в группу уборщиков. До этого ему никогда ещё не приходилось бывать в этой мрачной, ограждённой забором и замаскированной аллее, ставшей дорогой в один конец для тысяч людей, в том числе и для его семьи.

Природное любопытство, постоянно подстегиваемое расспросами Печерского, заставляло Якова исследовать лагерь, и на этот раз ему представилась возможность разведать дорогу к газовым камерам. У входа он поднял грабли; наблюдая за другими, Яков начал граблями ровнять белый песок, превращая следы сотен ног, человеческие экскременты и кровь в девственно-чистую белую поверхность.

Когда Штейн вытаскивал наружу предметы большего размера, то заметил между зубцами граблей маленькие красные и зелёные обрывки. Нагнувшись, чтобы поднять их, Яков с удивлением понял, что это обрывки бумажных денег – долларов, марок, злотых и рублей, разорванные на такие мелкие клочки, что их никак уже нельзя было склеить.

Тогда он задумался. Что должны были чувствовать жертвы, поступая так? В последние минуты перед мучительной гибелью они всё ещё старались таким способом нанести

вред нацистам. Их мир исчезал, и все-таки одинокий еврей нашел время, чтобы разорвать банкноты на мелкие, ничего не стоящие клочки бумаги, чтобы враг уже никогда не смог ими воспользоваться.

Штейн понял, что не хочет закончить свою жизнь, как они. Он отомстит своим врагам иначе. И они надолго запомнят тот день, когда Яков и его товарищи нанесут им сокрушительный удар отмщения.

* * *

День прошёл более-менее легко, потому что всего лишь пятнадцати из них досталось по двадцать пять ударов плетью за недостаточное усердие в работе. После тяжелой смены, во время которой Яков, Печерский и остальные заключённые вывозили и закапывали в лесу трупы, им приказали выучить немецкую военную песню.

У входа в их барак собрались несколько солдат, один из которых, Курт Болендер, дирижировал нестройным хором узников:

*Im Wald, im gruenen Walde,
Da steht ein Foersterhaus.
Im Wald, im gruenen Walde,
Da steht ein Foersterhaus.*

*Da schauet jeden Morgen,
So frisch und frei von Sorgen,
Des Foerstes Tochterlein heraus,
Des Foerstes Tochterlein heraus.
Ta ra la la, ta ra la la,
Des Foerstes Tochterlein so frisch heraus,
Ta ra la la, ta ra la la,
Des Foerstes Tochterlein heraus.*

– Громче, свиньи, громче! – командовал Болендер, тыча заточенной на конце палкой в худые спины заключённых. – Я хочу, чтобы эту великую песню было слышно даже на небесах!

*Lore, Lore, Lore, Lore,
Schoen sind die Maedchen
Von siebzehn, achtzehn Jahr.
Lore, Lore, Lore, Lore,
Schoene Maedchen gibt es ueberall.
Und kommt der Fruehling in das Tal,
Grues mir die Lore noch einmal,
Ade, ade, ade!*

Яков пел вместе со всеми. Ему легко давались слова песни, так как немецкий язык был ему хорошо знаком. Но далеко не все участники этого хора могли похвастаться такими успехами. Те, кто сбивался или произносил их неправильно, тут же получали тычок палкой, от чего на их телах оставались синяки и неглубокие кровоточащие раны.

Der Foerster und die Tochter,

*Die schossen beide gut.
Der Foerster und die Tochter,
Die schossen beide gut.
Der Foerster schoss das Hirschlein,
Die Tochter traf das Buerschlein
Tief in das junge Herz hinein,
Tief in das junge herz hinein.
Ta ra la la, ta ra la la,
Tief in das junge, junge Herz hinein,
Ta ra la la, ta ra la la,
Tief in das junge Herz hinein⁹.*

Штейн старался петь как можно громче, чтобы заглушить своим голосом ошибки товарищей. Больше всего он боялся за Печерского, маршировавшего рядом. Упрямый советский лейтенант вплетал в строчки песни нецензурные выражения в адрес надсмотрщиков. На его удачу, Курту и его товарищам эта забава быстро надоела.

– Хватит, свиньи! Хреново вы поёте! Ваши рты недостойны даже произносить слова из великого немецкого языка. Отправляйтесь чистить бараки, свиньи!

Солдаты постоянно заставляли выполнять подобные «певческие упражнения» или изматывающую муштру, только ради садистского удовольствия. Многие заключённые предпочитали покончить с собой, других просто из прихоти убивали эсэсовцы.

– Вас, свиньи, всегда можно заменить из прибывавших с избытком в следующей партии заключённых, – любил повторять Курт Болендер, охаживая ударами попавшихся ему на глаза евреев. – Как говорит обергруппенфюрер СС Освальд Поль: «Рабочее время для заключённых ни в коем случае не ограничивается! Оно зависит от организационной и структурной цели лагеря и от вида выполняемой работы». Так что работайте, свиньи!

Издевательства и избиения были ежедневной нормой для оставленных для работ заключённых «Собибора». Нацисты с легкостью придумывали для себя всё новые и новые развлечения. Например, они зашивали снизу штанины узников и запускали туда крыс. Жертвы должны были сидеть неподвижно – стоило им пошевелиться, как их нещадно избивали до смерти.

Почти у каждого эсэсовца была своя любимая шутка.

Иногда Грот позволял себе пошутить следующим образом: он хватал какого-нибудь несчастного, давал ему бутылку вина и колбасу весом не меньше килограмма и приказывал ему проглотить всё это за минуту. Если заключённому удавалось выполнить этот приказ и он шатался под действием выпивки, Грот приказывал ему широко открыть рот и мочился прямо туда.

Обершарфюрер Пауль Бредов, сорокалетний берлинец, был настоящим зверем в человеческом обличье. Его прямая обязанность состояла в том, что он отвечал за лазарет, но у него была и другая работа в лагере. Его любимым хобби была стрельба. Его ежедневная квота составляла пятьдесят евреев, которых он расстреливал, – всех из автомата, с которым он не расставался ни на минуту за целый день.

⁹ «В лесу, в лесу зеленом», перевод: М. Новожилов-Красинский. В лесу, в лесу зелёном Дом егеря стоит. В лесу, в лесу зелёном Дом егеря стоит. Там каждым утром ясным, Беспечна и прекрасна, В окно дочь егеря глядит, В окно дочь егеря глядит. Тра-ля-ля, тра-ля-ля, В окошко дочка егеря глядит, Тра-ля-ля, тра-ля-ля, В окно дочь егеря глядит. Лора, Лора, Лора, Лора, Девы прекрасны В свои семнадцать лет. Лора, Лора, Лора, Лора, Дев прекрасных полон белый свет. Придёт весны прекрасный час, – Скажи мне, Лора, ещё раз: Прощай, прощай, прощай! Придёт весны прекрасный час, – Скажи мне, Лора, ещё раз: Прощай, прощай, прощай! Как егерь, так и дочка Стреляют прямо в цель. Как егерь, так и дочка Стреляют прямо в цель. В оленя егерь вмиг попал, – И парня, что красив, удал, Сразила дочка наповал, Сразила в сердце наповал. Тра-ля-ля, тра-ля-ля, Сразила парня в сердце наповал, Тра-ля-ля, тра-ля-ля, Сразила дочка наповал.

А ещё у каждого надзирателя был свой метод убийства. Все они ждали прибытия эшелонов. Бредов высматривал молоденьких девушек, которых всегда садистски стегал плетью. Гомерски убивал заключённых палкой со вбитыми в неё гвоздями. Грот и Болендер приходили со своими собаками. Когда они говорили какому-то заключённому: «Ах, так ты не хочешь работать?» – наигранно изумлялись и натравливали на людей собак, заставляя их вырывать куски мяса...

Так что Яков предпочитал не попадаться солдатам лишний раз на глаза и быстро и беспрекословно выполнять все их приказания. Но когда они только-только приступили к уборке барака, сердце Штейна радостно забилося, стоило работавшему рядом с ним Печерскому произнести долгожданную фразу:

– Яков, я хочу сбежать отсюда. У меня есть план. Ты мне поможешь?

Стараясь не привлекать внимания надзирающих за их работой капо, Штейн, не задумываясь, ответил.

– Я с тобой!

Глава третья

Дружище, ты мальчик, но так сильно шумишь,
Играя на улице. Однажды ты вырастешь
и превратишься в мужчину.
Твоё лицо испачкано грязью,
Как тебе не стыдно
Гонять повсюду эту консервную банку!

Мы вас раскачаем!
Мы вас раскачаем!

Дружище, ты молод, но уже знаешь, чего хочешь:
Ты кричишь во всеуслышанье, что однажды мир
будет твоим.
У тебя всё лицо в крови,
Как тебе не стыдно
Махать повсюду этим флагом!

Queen, «We Will Rock You»

Как оказалось, Александр Печерский задумал не побег. Он думал о восстании. Именно эта безумная мысль давала ему силы держаться. Если удастся – замечательно. Если нет – то всего лишь пуля в затылок. Это лучше, чем умереть в газовой камере. А в камеру Печерский не хотел. Уж лучше заставить немцев истратить на него пулю.

– Нордлихт, я знаю, что наше будущее – смерть, – от волнения глаза Печерского сияли огнем. В такие моменты он часто называл Якова тем шутивым прозвищем, которое он дал ему в их первый день знакомства. Штейн не возражал. – Я не мечтаю о свободе, я хочу только уничтожить этот лагерь и предпочитаю умереть от пули, чем от газа. Смерть для меня лучше, чем это существование, полное страха.

На тот момент в лагере уже возникло своеобразное подполье, под предводительством сына польского раввина Леона Фельдхендлера, который ранее был главой юденрата в Золкиеве. С августа сорок третьего эта группа разрабатывала план побега заключённых из рабочего лагеря.

Штейн пообещал Печерскому свести его с Леоном или другими главами подполья. Но обещание смог выполнить всего лишь через пять дней, когда его и Александра назначили в одну бригаду с Фельдхендлером. Улучив момент, когда они оказались вне поля зрения травников, Печерский сразу же перешёл к делу.

– Товарищ Фельдхендлер, вы умеете играть в карты?

Его вопрос поставил поляка в недоумение.

– Да, конечно, умею. Но при чем здесь карты? Яков сказал мне, что вы хотите предложить свою помощь в организации побега.

– Всё просто, – улыбнулся в ответ Александр. – То, что я вам предлагаю, это как карточная игра: ты идешь ва-банк, а там – или пан, или пропал. Или они нас сомнут, или мы их. Слушайте, что я вам предлагаю. Охрана лагеря состоит из двадцати-тридцати эсэсовцев, немцев и австрийцев, в основном «ветераны», и примерно ста – ста двадцати хильфе¹⁰,

¹⁰ Хильфе – охранники лагеря из числа добровольных помощников.

набранных для немецкой службы. Мой план прост. Нам нужно убрать с дороги группу офицеров, управляющих лагерем. Конечно, одного за другим и без большого шума. Затем перерезать связь с помещением охраны. И тогда уже прорываться.

Согласно плану Печерского, эсэсовцев из охраны лагеря следовало поодиночке пригласить в мастерские на примерку одежды и там бесшумно «убрать» – до пяти часов вечера. Затем, когда в лагере наступит темнота, заключённые построятся в колонну и выдвинутся к воротам.

– По пути нам надо захватить оружейный склад, – продолжал Печерский. – Если травники на вышках начнут стрелять, следует прорываться с боем через проволоку у зданий охраны, где нет минных полей... Шухер!

Из-за угла барака неспешной походкой вышел один из надзиравших за рабочей группой капо. Заговорщики тут же сделали вид, что всё это время они только работали и ничего более. Понаблюдав немного за заключёнными, капо зевнул и вновь скрылся за углом барака. Судя по исходявшему от него сивушному аромату, там у него была припрятана заправка, которую ему не терпелось употребить, пока начальство не увидело.

Заговорщики вернулись к прерванному разговору.

– Хорошо, я обсужу ваш план с остальными, – сказал Леон. – Как только мы примем решение, я дам вам знать.

– Только поспешите! – с мольбой в голосе ответил Печерский. – Даже один день задержки может разрушить все наши планы. Завтра всех нас может уже и не быть.

* * *

Подполье согласилось с планом Печерского. Следующие несколько дней ушли на согласование деталей.

– Запомни, Нордлихт. Любая мелочь или случайность может привести к краху даже самого продуманного плана, – говорил Александр во время коротких промежутков времени, выделяемых заключённым на сон. – И сейчас мы не можем рассчитывать на чью-либо помощь. Только на свои силы.

В те дни Саша и Яков стали почти неразлучны. С помощью Штейна Александр поддерживал связь с Фельдхендлером и остальными заговорщиками, передавал указания для других участников восстания. Но больше всего Яков был полезен в качестве переводчика для не знающего других языков, кроме русского, Печерского.

Побег был назначен на тринадцатое октября сорок третьего года. К тому моменту в «Собиборе» насчитывалось почти шесть сотен отчаянных, кипевших ненавистью и жадой мести евреям, на пути к свободе у которых стояла всего лишь горстка эсэсовцев.

У них, конечно, были помощники в лице надзирателей-капо, но на их безусловную преданность немцам рассчитывать не приходилось. Капо всегда могли присоединиться к евреям и вместе с ними перебить горстку эсэсовцев. Зная непростые отношения между хозяевами лагеря и их добровольными помощниками из числа заключённых, Печерский тайно переговорил с поляком Бжецким, руководившим тогда всеми капо в их лагере.

Это был рискованный шаг со стороны советского лейтенанта. И Александр это прекрасно понимал. Но он понял, что не ошибся в своих выводах относительно капо, когда услышал ответ поляка:

– У нас есть привилегии, но когда приблизится момент ликвидации лагеря, мы окажемся в том же положении, что и вы. Они убьют и нас. Это понятно, – Бжецкий в задумчивости пожевал нижнюю губу. – В таких условиях, само собой разумеется, от немцев следовало бы ожидать высочайшей бдительности, но как раз её там и близко не было. Так что мы с вами.

Заручившись поддержкой капо, Печерский приступил к выполнению следующих пунктов своего плана.

Одному из своих соратников, Баруху, он поручил достать примерно семьдесят заточенных ножей и опасных бритв. Те, кому предстояло выполнить свою часть работы в столярной мастерской, вполне могли воспользоваться топорами и ножовками.

Печерский предлагал узникам немислимый план. До этого их амбиций хватало лишь на тайный побег, им и в голову не приходило, что можно напасть первыми. И перебить эсэсовцев, которые управляли лагерем. Ставку сделали на жадность охранников и надзирателей.

Печерский объяснил товарищам, а Яков переводил его слова на польский:

– Лагерные охранники наловчились убивать. А нормальному человеку это сделать непросто. Хотя перед тобой эсэсовец, лагерный надзиратель, убийца и негодяй. И всё равно! Надо подойти к живому человеку, взмахнуть топором и лишит его жизни. С первого удара! Чтобы он не успел убить тебя. Эсэсовцы-то вооружены – в отличие от узников лагеря. Семен, – обратился Печерский к Розендельфу, одному из присутствующих на тайной встрече в столярной мастерской, – сюда мы заманим обершарфюрера Карла Френцеля. Подбери топорик. Рассчитай, где Френцель будет стоять. Ты должен его убить.

Подобные инструкции получили все собравшиеся в тот день. Особый разговор у Александра состоялся с Борисом Цыбульским, с которым они вместе сидели ещё в минском лагере для военнопленных. Печерский сказал ему:

– Тебя знаю лучше всех, поэтому посылаю на самый трудный участок. Первый удар твой. Если кто-то из ребят, идущих с тобой, боится, замени. Принуждать никого нельзя.

Когда совещание закончилось, в мастерскую вошёл капо Бжецкий и что-то прошептал на ухо Печерскому. Саша выругался и обратился к Якову:

– Нордлихт, передай по цепочке. Побег переносится на один день. Несколько солдат, которые должны были отправиться в деревню на выходной, остались в лагере. Так что ударить лучше завтра после обеда.

Яков кивнул и поспешил рассказать новость остальным. Штейн чувствовал, как всё внутри него дрожит от нетерпения, но внешне это никак не проявлялось. Он помнил слова Саши о том, что любая мелочь могла погубить их план. Если его волнение заметит кто-нибудь из солдат или травников, то они могут заподозрить неладное.

«Нужно продержаться ещё один день, – мысленно успокаивал себя Штейн. – Ещё один день, и всё закончится. Я сбегу или умру. В любом случае, этому кошмару наступит конец».

* * *

В тот день погода была, как назло, солнечная. С одной стороны, многие заговорщики посчитали это добрым знаком. Но для успеха операции было важно нанести основной удар в условиях плохой видимости.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – шипел сквозь зубы Печерский. – Если не стемнеет достаточно рано, то мы можем напороться на возвращение в лагерь вечерней смены охранников. Тогда наши шансы на прорыв будут значительно меньше.

На тот момент в «Собиборе» насчитывалось почти пятьсот пятьдесят заключённых рабочего лагеря, большинство из которых даже не подозревали о готовящемся восстании. Печерский с Фельдхендлером не желали вводить в курс дела непроверенных людей. Ведь достаточно хоть одного доноса, и всех их расстреляют на месте.

Яков, Александр и ещё несколько заключённых, вооружившись граблями, под прищмотром капо Бжецкого отправились на расчистку сортировочной площадки. Прибыв на

место, они приступили к своим привычным обязанностям. Яков то и дело косился в сторону первого «подлагеря», в котором вскоре должны были развернуться основные события.

– Нордлихт, не зевай! – окликнул его Печерский. И сделал он это вовремя. Мимо них, гарцуя на холеном жеребце, проехал унтершарфюрер Эрнст Берг. Глядя ему вслед, Александр едва заметно улыбнулся. – Судя по часам на руке фрица, сейчас шестнадцать ноль-ноль. Начинается...

Тем временем Берг подъехал к мастерской, в которой работали портные. Спешившись, он оставил коня во дворе со спущенными поводьями.

Когда унтершарфюрер вошёл в мастерскую, все портные, как было принято, встали и покорно склонили головы в поклоне.

– Юзеф! Надеюсь, мой новый мундир готов? – Офицер снял ремень, на котором висела кобура с пистолетом, и положил всё на стол. Стоявший у окна Борис Цыбульский торопливо отошёл к дальнему краю стола, так как заключённым не позволялось находиться вблизи оружия немецких солдат. Берг не знал, что на самом деле Цыбульский отошёл в тот угол, потому что там был припрятан завернутый в рубашку топор.

Когда унтершарфюрер снял куртку, Юзеф, портной, подошёл к нему с мундиром, чтобы тот его примерил. В это время портной Сенье, третий находившийся в мастерской заговорщик, наоборот, приблизился к столу, чтобы в случае чего успеть схватить пистолет. Потом Юзеф попросил немца повернуться к свету, чтобы лучше рассмотреть мундир. Немец повернулся спиной к заговорщикам, и в этот момент Цыбульский обрушил топор на голову эсэсовца, издавшего истошный крик.

Конь во дворе встал на дыбы и наострил уши. Вторым удар заставил немца замолчать навеки.

– Первый готов, – выдохнул Борис, глядя на то, как капли крови тяжело падают с лезвия топора на пол. Юзеф выглянул в окно и крикнул товарищам:

– Уберите тело, сюда идёт Хельм!

Десять минут спустя в мастерскую вошёл начальник охраны обершарфюрер Эрберт Хельм. Он даже не успел переступить порог, как Сенье с ним расправился, раскроив голову эсэсовца мощным ударом топора.

Обершарфюрер Гёттингер, начальник «подлагеря три» и главный палач «Собибора», зашел примерить новые сапоги. Старший сапожник Якуб приветливо улыбнулся вошедшему офицеру. Аркадий Вайспапир делал вид, что занят починкой своих инструментов. А его напарник Гриша стоял у двери.

Гёттингер был в хорошем настроении.

– Отличный сегодня денёк! Солнце светит, тепло, чудесно, – бормотал он себе под нос. – Мои сапоги готовы?

– Да, вот, прошу вас, обершарфюрер Гёттингер, – сказал Якуб и подал ему сапоги. – Примерьте.

– Послушай, Якуб, – продолжил офицер, разглядывая блестящие от крема и воска сапоги, – через пять дней я поеду в Германию. Ты должен сделать пару домашних туфель для моей жены. Подумай-ка над этим.

– Я думаю, ваша супруга будет довольна, – ответил Якуб. В этот момент Аркадий раскроил обершарфюреру череп топором.

Подобные сцены происходили и в остальных мастерских. Приглашённые под разными предложениями и в разное время, солдаты из числа эсэсовцев один за другим заходили примерить обновки и больше уже не выходили.

Эсэсовцу Йозефу Вольфу узники сказали, что среди вещей новоприбывших обнаружили отличное кожаное пальто, которое явно ему подойдёт. Он прибежал посмотреть обновку, но вместо неё получил удар острой бритвой по горлу.

...Заместитель начальника лагеря унтерштурмфюрер СС Йоганн Нойман приехал, чтобы примерить костюм... Начальник лагерной охраны обершарфюрер СС Зигфрид Грейтшус рассчитывал на новое зимнее пальто... Обершарфюрер Грачус был зарублен, когда примерял новые сапоги...

В половине пятого Бжецкий скомандовал отбой и велел всем двигаться обратно в бараки. Как раз в этот момент, когда их группа заходила в промерзлое помещение, во дворе появился унтершарфюрер Хаульштих. Бжецкий на секунду растерялся, так как не знал, как объяснить офицеру причину, по которой заключённые покинули рабочие места раньше положенного времени. Ситуацию спас другой капо, по имени Шлоиме. Заметив потерянный взгляд Бжецкого, Шлоиме подбежал к офицеру.

– Унтершарфюрер, – сказал он, – я не знаю, что делать с окопами. Мне нужны ваши указания. Люди там просто голодают и бьют баклуши.

Хаульштих, в сопровождении Шлоиме и Бжицкого, двинулся в сторону барачных. Там о нем позаботились. Казнил его сам Шлоиме.

В это же самое время ещё несколько групп заговорщиков под руководством Леона Фельдхендлера охотились за солдатами СС. Водителя-эсэсовца позвали «помочь шефу» и воткнули в сердце нож. Офицеру Бекману перерезали горло в офисе, когда тот сидел, переключая бумагу. Пока что всё шло просто замечательно.

* * *

Покончив с эсэсовцами, истощённые и безоружные узники забрали оружие, перерезали провода и отключили телефонную связь в лагере. Заодно обесточили колючую проволоку ограды. Убили начальника караула, но завладеть оружейным складом не удалось.

Яков ликовал. Удача явно была на их стороне. Избывая до смерти попавшихся им на пути травников, заговорщики проникали в бараки и собирали людей:

– Товарищи! Все, кто хочет бежать, идемте с нами!

К удивлению Якова, далеко не все узники решились присоединиться к заговорщикам.

– А вдруг будет хуже? Тут нас хотя бы кормят...

Каждый третий предпочёл остаться в бараках, так как посчитал идею восстания обречённой на провал. Хорошо, что они не стали мешать восставшим.

На лагерь опустились осенние сумерки, и лидеры подполья поспешили построить заключённых в единую колонну. По плану, им предстояло пройти через лагерные ворота и рассредоточиться в лесу. Главное, чтобы их не заметили травники на вышках и не открыли огонь по практически безоружным узникам.

Но случилось то, чего боялся Печерский. Всё испортила случайность. Не вовремя вернувшийся из Хелма охранник Бауэр увидел за гаражами труп офицера с разбитой головой. Не раздумывая, он выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в воздух.

– Тревога!

На вышках вспыхнули прожекторы, направленные лучи света выхватили толпу заключённых, двигавшихся к воротам. Охранники с вышек открыли огонь на поражение.

И тут началась кровавая бойня!

Дальнейшие события превратились для Якова в кошмарный водоворот. Пулемётные и автоматные очереди косили стоявших рядом с ним людей, словно острая коса траву. Кто-то из бывших военнопленных крикнул по-русски:

– За Родину, вперёд!

Пленники разбились на две группы. Одна группа бросилась к оружейному складу, намереваясь на этот раз взять его штурмом и раздать узникам винтовки и автоматы. Осталь-

ные заключённые выдвинулись к центральным воротам. Часовые на вышках продолжали поливать бегущую на них толпу свинцовым дождём...

Печерский, вспрыгнув на стол в бараке, обратился к евреям по-русски:

– Товарищи, назад дороги нет. Вперёд с нами, смерть фашистам!

Яков хотел привычно перевести слова друга для тех, кто не знал русский, но перевод не понадобился. Совершенно неожиданно Штейн услышал крик сотен голосов.

– УРА!!! – просто удивительно, как люди из разных стран поняли советского лейтенанта. Более того, колонны голландских, польских и чешских евреев пошли на приступ ворот, грозно крича боевой клич советской армии.

В это же время к основной группе спешили присоединиться те узники, что пытались захватить склад с оружием. Они смогли убить охранников, но завладеть оружием не удалось. Помешали толстые решётки на окнах и двери оружейного помещения.

Несмотря на свою многочисленность, восставшим не удалось покинуть лагерь через ворота. Комендант концлагеря Карл Френцель, разбуженный ужасным шумом, быстро разобрался в сложившейся ситуации.

– Бауэр! Мне нужны ключи от грузовика! Срочно!

Помощник коменданта, напуганный несмолкающей стрельбой в другой части лагеря, поспешил выполнить приказ. Перекинув через плечо автомат и проверив наличие пистолета в кобуре, Бауэр схватил ключи от грузовика и выбежал вслед за обершарфюрером Френцелем.

– Заводи и езжай прямо к воротам! – продолжал выдавать указания помощнику обершарфюрер. – Только держись как можно ближе к вышкам, чтобы караульные смогли прикрыть нас.

– Да, обершарфюрер!

Бауэр завел двигатель и выжал педаль газа до упора. По пути Карл открыл дверцу, высунулся из кабины и открыл огонь из своего «парабеллума». Каждый выстрел коменданта обрывал жизнь одного из восставших узников. Так продолжалось до тех пор, пока заключённые не стали палить в ответ. Тогда Карл предпочёл спрятаться обратно в кабину грузовика.

– Бауэр, перегорите ворота! Мы не должны дать им уйти!

В это время в сторону единственного выхода из лагеря двигалась огромная толпа озлобленных заключённых, ревуших в едином порыве страшное для уха немецкого солдата «Ура!».

Эсэсовцы успели достигнуть ворот раньше. Бросив машину прямо напротив створок и не забыв при этом вынуть ключи из замка зажигания, Бауэр и Френцель выскочили наружу и поспешили укрыться на сторожевой вышке.

* * *

Комендант Френцель возглавил подавление восстания. Заблокировав ворота грузовиком и скосив из пулемётов первые ряды восставших, обершарфюрер смог откинуть заключённых в глубь лагеря, и те были вынуждены искать другие пути для прорыва.

Это создавало для Печерского и остальных дополнительные смертельные угрозы. И дело было не только в проволочных заграждениях, окружавших «Собибор» по всему периметру. Теперь им предстояло пробираться через минные поля.

– Яков, за мной! – Александр Печерский схватил Штейна за рукав лагерной робы и потянул в сторону одной из секций заграждений из колючей проволоки. – Снимай рубаху, порви её на полосы и намотай их на руки. Ребята, делай, как я!

Александр споро снял свою рубаху и порвал её пополам. Стоявшие вокруг него узники поспешили последовать его примеру.

Выбранная Печерским для прорыва секция не простреливалась с вышек, что дало узникам несколько минут передышки. Те из них, кто смог раздобыть огнестрельное оружие, заняли позиции по краям колонны, чтобы первыми дать отпор лагерной охране.

Несколько десятков узников, обмотав руки лохмотьями, принялись разбирать проводное заграждение. Под весом их тел стальные путы рвались, нанося при этом страшные рваные раны на тела заключённых.

Расчистив путь между первым и вторым рядами заграждений, восставшие внезапно наткнулись на заминированный участок.

Бум!

Гроздь земли, осколков и человеческой плоти посыпались на головы уцелевших.

– Назад! Тут мины! – раздался истеричный крик. Но паника лишь навредила.

Бум! Бум! Бубум!!!

Когда пыль от взрывов осела, контуженный Яков огляделся по сторонам. В глазах у него всё двоилось, а в уши словно набили ваты.

– Саша! Леон! Где вы? – Якову казалось, что он говорит чуть громче комариного писка, когда на самом деле он орал. Как и все остальные, кого контузило взрывами мин.

Печерский в это время уже возглавил демонтаж последнего заграждения. Штейн смог заметить его сквозь копоть и гарь, исходившую от трупов подорвавшихся узников, и поспешил на помощь товарищу.

Тут со всех сторон послышались крики солдат, выстрелы и лай немецких овчарок. Те узники, у кого осталось оружие, открыли беспорядочный огонь в сторону надвигающегося противника. Травники и эсэсовцы не спешили пока подходить к отстреливающимся заключённым и предпочитали держаться на расстоянии. Ведь они знали, что за последним рядом заграждения восставших ждёт ещё более широкое минное поле.

– Мы встретим их на той стороне поля, – улыбнулся обершарфюрер СС Вернер Дюбуа, возглавивший по приказу коменданта отряд для поимки беглецов. Всякий раз, когда на мины наступали сбежавшие узники, ночное небо озаряли вспышки от взрывов.

Многие погибли на том поле. Но каково же было удивление Дюбуа и его людей, когда на занятые ими позиции у кромки леса вышли не испуганные и полуживые беглецы, а сотни озлобленных евреев, вооружённых бритвами, топорами, а кое-кто и пистолетами или винтовками. Восставшие, в числе которых оказались Печерский и Штейн, за несколько минут смогли смять охрану и уйти в лес. Вернер был тяжело ранен и смог выжить, только притворившись мёртвым.

Комендант Карл Френцель собрал уцелевших охранников и приказал навести порядок среди оставшихся в своих бараках узников.

– Бауэр, – обершарфюрер отыскал глазами в толпе своего помощника, – я хочу знать, какие у нас потери. И нужно срочно связаться с военной полицией вермахта. Выполнять!

– Да, обершарфюрер!

Пока его подчинённые наводили порядок, комендант устало опёрся спиной на борт грузовика и огляделся. Его идеальный лагерь превратился в руины. Начальство наверняка не простит ему случившегося. С обершарфюрера строго спросят и за массовый побег, и за дисциплину среди его подчинённых, и за каждого погибшего солдата и офицера СС.

– Проклятые евреи! – Френцель в сердцах пнул сапогом в голову убитого заключённого, лежавшего рядом с грузовиком. – Надо было сразу удавить этих тварей!

– Обершарфюрер! – Бауэр вернулся с докладом. – В бараках мы насчитали сто тридцать заключённых. Около восьмидесяти евреев погибли при побеге, но пока сложно точно сказать, так как многие подорвались на минах.

– Каковы наши потери? – погибшие из числа заключённых Карла не сильно интересовали. Он был намерен поймать и уничтожить всех беглецов, без исключения.

– Девять эсэсовцев убиты, один пропал без вести, один ранен, двадцать восемь охранников не немецкой национальности либо застрелены, либо забиты до смерти.

– Дерьмо! – Карл Френцель буквально взбесился. Он орал, брызгал слюной, бил руками и ногами всех, кому не посчастливилось оказаться в этот момент рядом с ним. Наконец он успокоился. – Бауэр, соберите всех уцелевших охранников и ликвидируйте оставшихся в лагере заключённых.

– Всех заключённых? – уточнил помощник.

– Да, всех без исключения. Тех, кто откажется идти в газовые камеры, расстреливайте на месте. Выполнять!

– Да, обершарфюрер!

До позднего вечера эсэсовцы выполняли поручение коменданта. Крики, мольбы о пощаде и автоматные выстрелы не умолкали в течение нескольких часов. В «Собибор» прибыли люди из военизированной полиции и вермахта и взяли на себя охрану лагеря.

Когда в лагерь вернулся потрепанный отряд обершарфюрера Дюбуа, принеший своего израненного командира, комендант Карл Френцель наконец-то решился сообщить начальству о случившемся.

Сняв телефонную трубку, Френцель попросил соединить его с телеграфом. Через минуту он уже диктовал текст телеграммы:

– Коменданту полиции охраны общественного порядка в округе Люблин и шефу полиции Кракова. Четырнадцатого октября сорок третьего года, в семнадцать ноль-ноль произошло восстание евреев в лагере СС «Собибор», в сорока километрах севернее Холма. Они перебили охрану, захватили оружейную комнату и после перестрелки с оставшимся персоналом лагеря сбежали в неизвестном направлении. Сбежало около трёхсот евреев, оставшиеся были либо застрелены, либо остались в лагере. Местность к югу и юго-западу от «Собибора» прочёсывается полицией и войсками вермахта.

Закончив диктовку, обершарфюрер повесил трубку. Все, что ему сейчас хотелось, так это лечь спать и не просыпаться до тех пор, пока эта история не уляжется. Но он понимал, что его карьере приходит конец.

– Проклятые евреи...

* * *

Началась облава, организованная нацистами и их пособниками. Солдаты, эсэсовцы и полиция отлавливали беглецов по одному или целыми группами и возвращали в лагерь, где пленников сразу же расстреливало подразделение СС, срочно прибывшее из Влодавы.

Судьба же остальных узников, оказавшихся на свободе, сложилась по-разному.

Группа беглецов, состоявшая из Александра Печерского, Якова Штейна, Бориса Цыбульского, Семена Розенфельда и ещё двадцати человек, осторожно пробиралась по вражеской территории.

В первую же ночь побега они попробовали попроситься на ночлег в соседнюю с «Собибором» деревню. Но крестьяне отказывались не только пускать на порог людей в лагерной форме, но даже давать им какой-либо еды. Поляки боялись возможного наказания со стороны немцев в том случае, если они узнают о том, что те оказали малейшую помощь беглецам.

– Больше в деревнях не показываемся, – принял решение Печерский. – Если нам будет нужна еда, лучше её украсть. Потому что сейчас они нас просто прогоняют, а потом начнут сообщать о нас полициям и солдатам.

Александр оказался прав. Когда за узников объявили награду, то многие местные жители доносили на тех, кого в тот момент укрывали в своих домах. В итоге большинство беглецов «Собибора» поймали не эсэсовцы, а как раз поляки.

Вскоре Якову пришлось распрощаться со своими товарищами. Они планировали присоединиться к партизанским отрядам, Штейну же хотелось бежать из Польши, подальше от пережитого ужаса.

Они долго прощались, особенно с Сашей. За недолгие недели знакомства советский лейтенант Александр Печерский стал для Якова почти как брат.

– Точно не хочешь с нами? – в очередной раз спросил Александр.

– Точно, – грустно улыбнулся Яков. – Я не солдат, я не могу больше смотреть на смерти друзей и врагов. От меня будет больше пользы в тылу, нежели на передовой или в лесных окопах.

– Ну, дело твое, – ответил Печерский и похлопал друга по плечу. – Давай, Нордлихт, береги себя.

– Ты тоже, Саша.

С тех пор они больше не виделись.

От «Собибора» к тому моменту ничего не осталось. Генрих Гиммлер в бешенстве распорядился закрыть лагерь. Всё имущество рачительные интенданты вывезли. Семьям убитых немцев отправили информацию, что их близкие якобы погибли от рук бандитов или партизан. Армейские саперы взорвали газовые камеры, казармы, бараки.

Империя СС хотела забыть о своём позоре. О том единственном случае, когда измученные, голодающие, безоружные узники одолели своих тюремщиков.

После расставания с отрядом Печерского Якову предстояли долгие месяцы тяжёлых испытаний. Оккупированная Польша не была тем местом, где беглый еврей из концлагеря мог чувствовать себя спокойно. Поэтому Яков планировал сесть на любой попутный корабль и покинуть захваченную врагом отчизну. Передвигаясь в основном по ночам, он прошёл длинный путь от городка Влодава, мимо Бреста, Бельск-Подляски, Белостока, пока, наконец, не добрался до Гданьска.

Тайком проникнув на корабль, идущий в Швецию, Яков Штейн окончательно исчез, чтобы уступить место Свену Нордлихту, моряку из Стокгольма.

Глава четвёртая

Люди пытаются нас п-принизить
(Говоря о моём поколении),
Лишь потому, что мы становимся известными
(Говоря о моём поколении).
То, что они делают, кажется ужасно н-неприветливым
(Говоря о моём поколении).
Надеюсь, я умру до того, как состарюсь
(Говоря о моём поколении).

Это моё поколение,
Это моё поколение, детка.

Почему бы вам всем не с-свалить
(Говоря о моём поколении)
И не копать в том, что мы все г-г-говорим
(Говоря о моём поколении).
Я не пытаюсь произвести громкую с-с-сенсацию
(Говоря о моём поколении),
Я просто говорю о моём п-п-п-поколении
(Говоря о моём поколении).

The Who, «My Generation»

В Англии Свен оказался в тысяча девятьсот сорок пятом году, уже после окончания войны. Великая битва с нечеловеческим злом закончилась, но не утихла в сердцах людей. Это было поколение, навсегда заклеимённое печатью боли и страданий.

Напуганный, измотанный, осиротевший, безгранично одинокий юноша, как и многие его сверстники, которым посчастливилось выжить во всепоглощающем оккупационном огне фашистского пожара, тянулся в Европу за хрупкой надеждой на новую жизнь.

Придавленный гитлеровской пятой мир медленно поднимался с колен. Стоя вместе с остальными эмигрантами на палубе корабля «Ругард», идущего из Франции в Великобританию, Свен рассматривал приближающийся британский берег со смешанным чувством страха и надежды. Что ждёт его там? Как встретит новая земля чужака, перенёсшего ужас концлагеря, лишённого всего в жизни.

«Ругард» был последним введённым в эксплуатацию новым судном паровой компании из германского города Щецин. В сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого года, с началом Второй мировой, судно перешло под управление военно-морского ведомства Германии и до мая сорок пятого оставалось как тендерное и сопровождающее судно в составе военно-морских сил Германии. В мае сорок пятого пароход был аннексирован¹¹ Великобританией.

Судно было просторным комфортабельным катером с небольшим количеством кают и большой пассажироместимостью для палубных пассажиров. Свен никогда не видел таких кораблей. Те посудины, на которых ему доводилось плавать до этого, не были предназначены для приятного времяпрепровождения.

¹¹ От латинского *annexare* – присоединять, захватывать.

Ему чудом удалось попасть на один из рейсов, следовавших из Франции в Англию, продолжительность которого составляла несколько часов. Это были так называемые пляжные круизы – доставка отдыхающих, пассажиров и экскурсантов к местам массового курортного отдыха.

Ведь он остался один. Совсем один в огромном мире, в котором ещё дотлевали угли беспощадного фашистского урагана. И в то же время ему было любопытно – целая новая страна лежала у его ног, и сколько ещё предстояло невероятных открытий. Он обязательно всё посмотрит. Ведь все, что он пока видел, – это кровь и лишения. В наследство ему достались лишь воспоминания, ценнее которых ничего не могло быть.

– Мам, смотри! Смотри! Вон там! Земля! Это Англия?

– Да, милая, это Англия, – стоящая рядом со Свеном женщина посылнее закутала в выцветший платок жавшуюся к её ногам худенькую девочку с большими глазами. – Теперь всё будет по-другому. Всё будет хорошо.

– Мать-земля, так её за ногу, – шумно втянув воздух в лёгкие, сказал стоявший рядом со Свеном боцман Вилли, по происхождению ирландец, с которым юноше удалось довольно быстро сойтись и который, хоть Свен и не курил, накрутив пахучих самокруток из едкого турецкого табака, смоля, рассказывал ему истории о войне. – Что, готов к новой жизни?

– Не знаю.

– А чего тут знать, – выдохнув из ноздрей едкий дым и щелчком отправив окурок за борт, боцман хлопнул соседа по плечу. – Живи! Вон он, весь мир перед тобой! Война окончена.

– Окончена, – вспомнив мать, отца и сестру, замученных в концлагере, тихо повторил Свен, глядя на приближающийся берег, где уже можно было различить дома и возвышающуюся громаду порта с курящимися трубами доков. – Боль останется.

С моря налетел пахнувший солью ветер, взъерошивая волосы у него на голове, и Свен натянул шапку, которую, размышляя, всё это время задумчиво мямл в руках. Он знал, что без гроша в кармане долго не протянет в чужой и незнакомой стране. К тому же надо было решать, как жить дальше. Чем заниматься.

Юноше хотелось продолжить дело отца и стать инженером, но для этого ему было необходимо получить специальное образование. А значит, поступить в университет. И тут Свен сталкивался с рядом определённых проблем, первая из которых заключалась в том, что у него не было документов и он был гражданином другой страны.

Слоняясь по закопчённым дымом заводских труб сырым лондонским улицам, замерзая в бесконечных очередях, тянувшихся к работным домам, Свен изо всех сил старался изобрести какой-нибудь способ выправить ситуацию. Ясно было одно – для начала ему были необходимы деньги. Но он ума не мог приложить, как сдвинуться с мёртвой точки.

Поначалу британцы вызывали у Свена острую неприязнь. Несмотря на бомбёжки и авианалёты, чопорный викторианский Лондон оставался монументальным, высокомерным, монархическим до самых корней. Этого было не вытравить никаким пожаром войны.

Неприязнь была не физической – люди на улицах казались обманчиво приветливы. Но Свен понимал, что они никогда не смогут понять таких, как он. Беженцев, отщепенцев. Лишённых всего изгоев. По большому счёту, им было всё равно, кто он и откуда.

Ведь он питался корой, в то время как они смаковали мясо в своих палатах лордов и сейчас ходили с видом победителей и героев, которые перенесли ад на земле.

Что они знали о боли? Лишениях? Невероятном, всепроникающем, атактистическом ужасе от осознания такого невероятного количества безжалостных человеческих смертей, которые, куражась гримасами ада, сеял по планете измазанный кровью пирующий молох войны.

Ничего они не знали. Это были люди из другого мира.

Он не пытался пересилить себя, просто понимая, что ему нужно время, чтобы свыкнуться. Свыкнуться, но не забыть. Ибо забывать он не имел права – это было его клеймо. Память о погибшей семье была священна.

Свена мутило, когда он вспоминал рассказы боцмана с корабля о временах войны и о том, как англичанки с радостью отдавались американским солдатам, оставшимся в Англии союзникам, за капроновые чулки и мятые банки консервированных ананасов.

Ничто не способно было вытравить из рода человеческого зверей. Животную жестокость, которая передавалась из рода в род, веками, с молоком матери.

Ананасы. Свен никогда не ел ананасов и уж тем более не смел мечтать о таком лакомстве. В данный момент всё, на что юноша мог рассчитывать, была миска разящей чесноком грибной похлёбки, которую выдавали в ночлежке, где он выпросил себе уголок, отработывая, драя полы, и которую съедал, наверное, быстрее всех остальных.

Хотя первый раз его даже прогнали, когда он, терпеливо отстояв долгую очередь из беженцев и местных бездомных, на ломаном английском попросил еды, которая так восхитительно пахла.

– Что-то мне незнаком твой акцент, парнишка, – хмуро поинтересовалась дородная повариха, не торопясь накладывать порцию из дымящегося бака. – Ты откуда будешь?

– Из Польши, – честно признался Свен.

– А ну пшёл отсюда, голодранец, – замахнулась половником женщина, и Свена с тумками и оскорблениями вытурили из очереди. – Ишь ты! У нас здесь своих голодных хватает! Ребята, давайте его отсюда!

Одёрнув куртку, Свен сильнее надвинул шапку на глаза и спешно перешёл на другую сторону улицы. Но со временем он примелькался. Жаль, что не выдавали добавки, хотя поварихе, которая при случае могла и огреть половником, он явно глянулся.

Что ж, ему было не привыкать к лишениям, наоборот, они закаляли его. С виду ему было всего двадцать лет, но душа уже была покрыта шрамами и морщинами.

Наконец, через пару дней как он прибыл в Лондон, Свену подмигнула удача, и ему удалось устроиться в доки грузчиком, хоть и не обошлось без приключений.

Промозглым туманным утром, когда он по привычке слонялся, тщетно пытаясь придумать себе хоть какое-то дело, лабиринт бедных улочек рабочего квартала вывел Свена к порту Докландс. После сорок пятого года порт был быстро отстроен заново, но с вопиющим пренебрежением к инфраструктурно-транспортным переменам и требованиям новой эпохи. Расступившиеся дома открыли его взору небольшую площадь на набережной, запруженной огромной галдящей толпой душ в пятьсот, которые окружили рослого бородатого дядьку с чёрной повязкой на лице, взгромоздившегося на порожний ящик из-под картошки.

– Куда вы все прёте, свиные туши, мать вас за ногу! – брызжа слюной, ревел он, бешено вращая единственным глазом. – А ну шаг назад, вонючие рыла! Не то мои ребята так отходят вас по хребтам, что при входе в ад сам сатана не узнает, клянусь своими кишками!

В подтверждение его слов оратора тут же окружила дюжина крепких парней, грозно покачивающих увесистыми дубинками с металлическими набойками.

– Нам нужна работа! – надрывали глотки со всех сторон, куда ни кинь взгляд. – Выбери меня!

– Я сказал, что мне нужны молодые! На сегодня всё! – продолжал реветь бородач. – Убирайтесь, старые бурдюки!

– Да чего мы с ним разговоры разговариваем? Нас же больше!

– И что вы станете делать? Ну? Грохнете меня, и что дальше, а? Я вас спрашиваю! Назад, собаки помойные!

– Что происходит? – поинтересовался Свен у неопрятного долговязого субъекта, который, облокотившись о фонарный столб, со скучающим видом взирал на столпотворение, теребя в зубах зубочистку.

– Ублюдки Маккьюри, – не поворачивая головы, буркнул тот. – Ежедневное шоу. Чёртов ирландец. Он тут всем заправляет. Принимают на работу в доки только ребят из своей банды. Они отдают ему процент со своей выручки.

– А что за работа? – заинтересовался Свен.

– По-всякому, – пожал плечами незнакомец. – Ремонт техники, электрика. Можно ящики разгружать. Если угодил в лапы Маккьюри – без дела не останешься, будь уверен.

– Я готов, – решительно поправив шапку, Свен сделал шаг в направлении столпотворения. – Я на всё готов ради еды.

– Не выйдет, – покачал головой субъект. – Тут всё схвачено. Мафия, если хочешь. А ты, судя поговору, не местный.

Наученный горьким опытом Свен на этот раз решил промолчать.

– Эй! – воздух разорвал громкий свист, и плескающаяся вокруг ящика толпа разом попритихла. Маккьюри указал кургузым пальцем на Свена. – А почему это ты не целуешь мне ноги, чтобы выпросить рабочее место? Лоботряс? Знаешь, что я делал с такими на флоте, пока фрицев топил, а? Шпангоут тебе в задницу!

Продолжая бушевать, старик Маккьюри пристально разглядывал Свена единственным глазом.

– Или, может, ты богач? – В толпе раздался нестройный смешок.

– А кто спрашивает? – прислонившись к фонарю, невозмутимо откликнулся юноша.

По всей видимости, эта была неслыханная наглость, поскольку в его сторону тут же дружно двинулись охранники хозяина порта, подобно тарану продираясь через предусмотрительно расступающуюся толпу.

– Кто?! Сейчас тебе объяснят, кто тут кто, молокосос! Ты, судя по акценту, будешь не местный, – заверил стоящий на ящике Маккьюри. – Всыпьте-ка ему как следует, ребята!

– Все, ты попал, приятель. Лучше тикай, – кинув зубочистку в лужу, неопрятный субъект растворился за углом дома, в то время как Свен сжал кулаки, приготовившись к драке.

Первых двоих он встретил на подходе, едва они достигли края толпы, синхронными ударами отбивая ребром ладоней занесённые дубинки. Третьему подкатился под ноги и, выхватив у него дубинку, угостил оплеухой в затылок.

– Эй, народ! Драка! – радостно завопил мальчишка-газетчик, и Свена с его противниками тут же окружили импровизированным оживлённым кольцом. – Салагу быют!

Кровь набатом стучала в висках, адреналин выплёскивался через край. Ему нужна была работа, и он был готов за неё драться. Но противников все-таки было больше.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы к месту разборки не подоспели полицейские, яростно свистящие в свистки.

– Всё в порядке, господа, – радушно разведя руки, заверил стражей закона Маккьюри, пока те, покрикивая, уверенно растаскивали потасовку в разные стороны. – Джентльмены просто решали свой спор, и, как видите, всё обошлось. Горячая кровь, такое у нас тут не редкость.

– А ты строптив, парень, – спустившись, наконец, с ящика, Маккьюри подошёл к Свену, который воинственно одернул куртку. – Мне такие нравятся.

– Мне нужна работа.

– Вижу, – кивнул Маккьюри. – Сколько вешишь?

– Сто пятьдесят фунтов.

– Лет? – продолжал допрос бородатый.

– Двадцать.

– Пойдет, – удовлетворившись ответами, пришёл к заключению Маккьюри. – Сначала определю тебя на ящики.

– Ящики?

– Усеки первое правило, салага, я не люблю повторять. А с такими я церемониться не люблю, – Маккьюри зловеще надвинулся на Свена, и ноздри того защекотал кислый привкус вчерашнего пива. – Да. Ящики с рыбой, которую парни притаскивают из моря. Семга, килька, скумбрия, мать её. Если мы надавали фрицам под зад, это ещё не значит, что в мире всё безоблачно и радостно. В стране нечего жрать, нет денег, чтобы восстановить чёртов город после бомбёжек. Мы в эпицентре глобального кризиса, мать его. Поэтому такие, как мы, и должны продолжать рвать свои чёртовы задницы на благо остальных. Усёк?

– Да... сэр.

– Какой я тебе, на хер, сэр? – он презрительно сплюнул на мостовую. – Старик Маккьюри, вот моё имя! Или Шкипер! Ну? Чего вылупился, марш за дело! Мне тут девочки не нужны. Питер, введи парня в курс дела, да поживее, одна нога здесь, другая там.

Разгружая пахучие ящики с мороженой рыбой, Свен через некоторое время сошёлся с несколькими местными ребятами и через одного из них смог выйти на группу лиц, занимавшихся продажей поддельных документов.

Узнав, сколько будет стоить полный комплект бумаг, необходимых для поступления в университет, Свен понял, что лишь на одной селёдке с килькой многого не достигнет. Тогда он дополнительно устроился разносчиком продуктов в бакалейную лавку, что располагалась недалеко от доков.

Полгода трудился Свен не разгибая спины, и вот, наконец, настал тот долгожданный день, когда он, пересчитав подкопленную сумму, понял, что сможет оплатить не только документы, но и комнату поприличнее. Уже недурно владея языком, он прикупил несколько рубашек, новые башмаки, а на смену обрыдлой грибной похлёбке пришёл порридж¹².

Оксфорд, о котором он мечтал, стал на один шаг ближе. Свен знал, что в университет могли принять любого человека – независимо от возраста. Главными критериями являлись успеваемость в школе и качество знаний. К тому же Свен узнал, что колледж, который он выбрал для поступления, первым в Англии начал принимать студентов независимо от их религии или пола.

Получив расчёт в доках, но оставшись при бакалее, где одинокий добродушный хозяин, видя усердные старания одинокого юноши, повысил его до своего заместителя, Свен прикупил нужных учебников и стал готовиться к поступлению.

Вызубрив куплеты *GAUDEAMUS IGITUR*, студенческого гимна Оксфорда, он то и дело распевал его, продолжая трудиться в лавке:

*Для веселья нам даны
Молодые годы!
Жизнь пройдёт – иссякнут силы.
Ждёт всех смертных мрак могилы —
Так велит природа.
Где те люди, что до нас
Жили в мире этом?
В преисподнюю спустись,
Ввысь на небо поднимись —
Не найдёшь ответа.
Короток наш век, друзья, —*

¹² Овсянка.

*Всё на свете тленно.
В час урочный всё живое
Злая смерть своей косою
Губит неизменно.
Лишь наука на земле
Служит людям вечно...*

Наконец, когда всё необходимое было собрано, как следует проверено и новая легенда отскакивала от зубов, мысленно прочитав молитву, новоиспечённый Свен Нордлихт подал заявку на поступление, тщательно составив письмо каллиграфическим почерком дорогой ручкой, специально одолженной у хозяина магазина, в котором работал.

Дальше потянулись томительные дни ожидания, которые мающийся от страха и нетерпения юноша проводил за учебниками и, не щадя сил, трудился в лавке, то и дело переключаясь с места на место формовые дырчатые кентерберийские сыры и колодки со свежей петрушкой, которую регулярно подвозил зеленщик.

Свен плохо спал, но старался много работать, пересиливая себя. На заострившемся, осунувшемся лице остались лишь глаза, которые каждый раз в отражении зеркала напоминали ему о матери. Он изо всех сил старался держаться, но давалось с трудом. Слишком сказывались лишения войны.

А если не выйдет? Заворачивая пузатые кабачки для очередного покупателя, Свен посмотрел через витрину на небольшое квадратное пространство возле лавки, мощённое серым булыжником и отгороженное от улицы достаточно высокой кованой оградой, сплошь покрытой гроздьями вьющегося плюща.

На единственной скамейке, вытянувшись, как шест, и посверкивая на солнце своим чёрным шлемом, сидел отчаянно храпевший полисмен Харрис, по своему обыкновению пришедший после ночного дежурства покормить голубей.

Шлем стража порядка вместе с головой окончательно опустился на грудь, и прожорливые толстые птицы с довольным воркованием принялись хозяйничать в лежащем на коленях полицейского бумажном кульке.

На мгновение задумавшись, Свен тряхнул головой, прогоняя невесёлые мысли, и вернулся к работе, вручая мальчишке-посыльному овощи для городского судьи, которого врачи посадили на диету.

Дни шли. Ожидание продолжало терзать его. Если вместо письма в съёмную комнату или, что ещё хуже, в лавку мистера Пибоди, обнаружив фальшивку, нагрянет отряд бобби, которые уволочут его в тюрьму, и на этом всё кончится. Неприятностей своему хозяину Свен не хотел больше всего.

Но подделка была умелой. Как его заверили молодчики в подпольной «конторе», даже пигги¹³ не заметят подвоха.

Ответа всё не было, и Свен начинал медленно тосковать.

И вот однажды, пасмурным дождливым утром, он, наконец, получил долгожданное письмо, которое боялся открывать почти до полудня. Работал и терзался. Вдруг отказ... Но после обеда, традиционно одарив дорогую миссис Уоллес спешно наструганной говяжьей нарезкой, он, вытирая руки о фартук, все-таки решился и вскрыл конверт.

Юниверсити-колледж, расположенный в городке Оксфорд на Хай-стрит, любезно приглашал уважаемого мистера Нордлихта из Северного Йоркшира на собеседование.

¹³ Полицейский (сленг).

Бережно сжимая драгоценную бумагу кончиками пахнувших зеленью пальцев, Свен поддался внезапному порыву и, медленно поднеся её к лицу, зажмурившись, глубоко вдохнул. Может, именно так пахнет новая жизнь?

Он будет учиться! Теперь всё будет по-другому. У него получилось. Он смог. Не отрывая документа от лица, Свен тихо заплакал.

Ранним утром, с тяжёлым сердцем попрощавшись с хозяином бакалеи, к которой успел привязаться, Свен собрал свои нехитрые пожитки и, сев на поезд, отправлявшийся с Паддингтонского вокзала, через час ступил на перрон одного из известнейших городов-университетов мира.

Поскольку вокзал находился в центре, а времени до собеседования ещё оставалось предостаточно, Свен решил немного пройтись и осмотреться.

Со всех сторон, куда бы он ни бросал свой светящийся любопытством взгляд, над ним возвышались величественные средневековые здания, придающие местности неповторимое очарование и монументальность. Гуляя по улицам этого небольшого городка, словно зачарованный, Свен не замечал, как стремительно летело время, маняще увлекая его за собой.

По ходу движения его порой не отпускало странное чувство, что с карнизов домов за ним постоянно следили застывшие глаза причудливых существ. То горгулий, то каких-то чудовищ. А то и людей с невообразимыми гримасами.

Одно восхитительное здание сменялось другим, одна улочка плавно перетекала в другую, пока он шёл к своему колледжу.

Ещё Свена поразило невероятное обилие велосипедов всех мастей и расцветок. Он замечал их повсюду; прислонёнными у фонарного столба, у водосточной трубы, мусорных баков, у стены, а как-то свернув за угол, набрёл на целую стоянку главного транспортного средства университета.

Всё вокруг дышало той неповторимой атмосферой вышколенной чопорной старины, умиротворённости и знаний, словно университета вообще не коснулась война, и Свен, впервые за долгое время, наконец улыбнулся. Это был его мир.

Интерьер Университи-колледжа напоминал убранство древнего замка. Массивный, старинный, подобно морскому губчатому кораллу впитавший в себя густое дыхание мудрости и столетий. Со множеством великолепных картин кисти известных мастеров: произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Рембрандта и Констебля, включая памятник Шелли, который, как Свен слышал, был отчислен за безбожие.

Собеседование и несколько неожиданных устных тестов Свен сдал блестяще, хотя после них, с извинениями отлучившись в туалетную комнату, некоторое время держал голову под струёй ледяной воды и, кое-как высушив волосы с помощью бумажных полотенец, старательно расчесал расчёской.

И вот, получив все необходимые указания, список учебников для библиотеки и форму, он, наконец, направился к общежитию.

Шагая через широкий университетский двор, Свен размышлял о том, что если при поступлении ему предложили решить *такие* тесты, то что же будет на самом обучении? Теперь всё придется схватывать на лету. Ничего. Он готов.

Немного поплутав по заполненным оживлённо переговаривающимися учениками коридорам, Свен, наконец, отыскал нужное крыло и, толкнув массивную дубовую дверь, переступил порог своего нового жилища.

– Это сто сорок седьмая? – оглядевшись, на всякий случай уточнил он.

Перед ним предстали две кровати по разные стены, несколько полок с книгами, окно, за которым прятался тусклый день, прикрытое тяжёлыми шторами до полу, пара низеньких тумб со светильниками, массивный письменный стол в углу и кресло.

– Она самая! Аминь! Ну, слава богу, свершилось! – вместо приветствия азартно воскликнул худощавый молодой человек, в скучающей позе философа развалившийся на одной из двух аккуратно застеленных кроватей. На вид он был ровесником Свена. – Чего стоишь, заходи. А то я уже почти смирился с тем, что новый семестр придётся снова куковать с этим полоумным Джибсом Стивенсоном, будь он неладен. У меня от его шуточек уже печень саднит. Слышал о нём?

– Нет, я новенький, – просто ответил Свен, кладя на пустую кровать чемодан со своими вещами, и невозмутимо поинтересовался: – А кто такой Джибс?

– Есть тут такой уникальный экземпляр, – махнул рукой юноша. – Но с ним знакомиться лучше повременить, чистая ты душа. Бесплатный совет.

– Это ты для него приготовил? – Свен кивком головы указал на пузатые боксёрские перчатки, лежащие рядом с юношей, который ими лениво поигрывал.

– Ха! – фыркнул тот. – Свежая кровь. Когда ты увидишь Его Величество Джибса собственной персоной за обедом, то поймёшь, что его и кувалдой не прошибить, приятель! Это вулкан. Глыба, напрочь лишённая зачатков интеллекта. Человек-гора.

– Ну, от хорошего прямого хука ещё никто не вставал, – подойдя к окну, Свен отодвинул штору и с интересом посмотрел на ухоженный основной двор колледжа постройки семнадцатого века, по которому недавно шёл.

– Боксируешь? – тут же оживился новый знакомый.

– Приходилось, – Свен вспомнил несколько потасовок с портовыми молодчиками, охотниками до лёгкой наживы. – Но не профессионал, шахматы люблю больше.

– Дружище, да тебя мне сами небеса послали! Тут последнее время такая тоска смертная, хоть на стены лезь. К тому же, я президент шахматного кружка, так что, считай, что ты с почётом зачислен! Кох. Альберт Кох, – вскочив с кровати, он протянул руку с тонкими пальцами пианиста.

– Свен Нордлихт, – он радушно ответил на рукопожатие. – Очень приятно.

– И мне, дружище. Ну и куда же тебя, скажи на милость, забросила расторопная рука Вельзевула, Свен?

– Физика и философия¹⁴, вообще-то, я так и хотел, – новоиспечённый студент пожал плечами. – А ты?

– И я! – Альберт задорно прищёлкнул пальцами. – *Bonum initium est dimidium facti*¹⁵. И ничего, что я второкурсник. Зато тебе чертовски повезло с конспектами! Улавливаешь? Что ж, если тебе удалось выйти живым из когтистых лап этих нудил-стервятников из экзаменационной комиссии, то, считай, ты сделал первый шаг в большой мир!

– На матрикуляции¹⁶ знатно потрепали, но вроде справился.

– Так допустите же к наукам сих собравшихся достойных студентов!.. Их хлебом не корми, дай повить из нас верёвки, – повесив боксёрские перчатки на стену, Альберт надел форменный пиджак с гербом университета, изображающим быка, переходящего вброд реку. – Это не только университет, но ещё и крупнейший научно-исследовательский центр, видел библиотеки?

– Нет ещё. Только инфографику¹⁷. По дороге с вокзала немного погулял.

¹⁴ Курс, объединяющий научный и художественный подходы к познанию мира. На третьем году обучения студенты изучают физику конденсированного состояния и философию квантовой механики.

¹⁵ Хорошее начало – половина дела (лат.).

¹⁶ От латинского «*matricula*» – «короткий список»; формальная церемония посвящения в студенты. До 1960 года для того, чтобы студент прошёл матрикуляцию и был допущен к занятиям, он или она должны были сдать соответствующий экзамен.

¹⁷ Серия бюстов, иллюстрирующих классификацию мужских бород, расположенную вокруг здания Шелдонианского театра.

– Да ты юморист, я смотрю. О, приятель! Приготовься к самому большому откровению в своей жизни, когда пойдём получать учебники на семестр, – Альберт торжественно похлопал нового знакомого по плечу. – Здесь собрано более одиннадцати миллионов книг. Кстати, интересно, кого тебе определяют в тьюторы¹⁸. Сам-то откуда будешь?

Этого вопроса Свен ожидал с самого начала знакомства и поэтому ответил не запинаясь:

– С севера. Йоркшир.

– А я из Оксфордшира. Отлично, старина!

Всё вокруг Свена было ему в новинку. Но он уже усвоил несколько основных правил и к торжественному обеду, посвящённому новому учебному году, послушно надел поверх костюма «sub fusc» – традиционную одежду студентов Оксфордского университета, единую для всех колледжей. Вдобавок ко всему к мантии прилагалась шляпа, которую нужно было везде носить с собой (что совершенно сбивало с толку Нордлихта, не понимавшего в сей весьма неудобной и обременительной вещи смысла).

– Ну вот, – когда всё было готово, придирчиво оценил наряд соседа Альберт. – Теперь ты похож на человека, жаждущего вкусить от яблока мудрости. Не стыдно и в люди выйти.

– Думаешь? – оглядывая себя, недоверчиво поинтересовался Свен. – По мне так мешком висит, как на пугале.

– Не сомневаюсь. Уж ты мне поверь! *Ex parvis saepe magnarum rerum momenta pendent*¹⁹, – Альберт приглашающе махнул рукой, открывая дверь их комнаты. – За мной!

Когда все собрались в обеденном зале, была прочтена латинская месса, и студенты наконец-то принялись за еду. Накладывая себе восхитительного свиного жаркого, тушённого с помидорами и артишоками, Свен украдкой разглядывал лица своих новых сокурсников.

– Вон то сборище взъерошенных долговязых кокни, – Альберт продолжал помогать новому знакомому обжиться на новом месте, иронично указывая на один из столов, где о чём-то шумно переговаривалась группа молодых людей. – Питер Солсбери, Джон Пол, Глэд Ливингстон и Ник Оверфол из шахматного кружка, о котором я тебе рассказывал. Золотые головы. У Ливингстона отец большая шишка в Парламенте. Можешь сейчас всех не запоминать. Потом со всеми тебя познакомлю.

Свен согласно кивнул.

– А вон Джибс, о котором я тебе говорил, – толкнув соседа локтем, Альберт кивком головы указал за соседний стол. – Как всегда, в центре внимания.

Джибс Стивенсон своей внешностью действительно полностью подходил под прозвище «человек-гора». Рослый, темноволосый, плечистый, всё в телосложении выдавало спортсмена, который, о чём-то переговариваясь с соседями, огромными ручищами накладывал себе сразу две порции мяса.

– Наш местный герой и по совместительству заводила. Если под задницей взорвалась шутиха или на тебя свалится ушат воды – это его рук дело, будь уверен. Но лучше пострадать от его розыгрышей, чем от кулаков. Так что держи язык за зубами. Девчонки на каникулах, из тех, кто не разъезжается, от него без ума²⁰, – взявший на себя роль покровителя над новичком, Альберт продолжал терпеливо вводить Свена в курс дела. – Умом в черепушке не пахнет, хотя неплохо учится, но его святая обязанность – ежегодно с треском давать под зад ребятам

¹⁸ Оксфорд – один из немногих университетов, где существует система прикрепления студентов к кураторам, которые разрабатывают индивидуальный подход для учеников в соответствии с их способностями.

¹⁹ Исход крупных дел часто зависит от мелочей.

²⁰ Примечательно, что до двадцатых годов в университете обучались лишь юноши. Даже после принятия в стены вуза девушек они до семидесятых годов учились отдельно.

из Кемджи²¹. И, можешь мне поверить, он великолепен. Да чего говорить, скоро сам всё увидишь.

– О чём ты? – не сообразил Свен, накладывая себе с общего блюда горячий черничный пирог.

– Гребля, – поправляя лежащую рядом с ним шляпу, пояснил Альберт. – Жлоб жлобом, но ты бы видел его на соревнованиях²². Каждый раз выкладывается так, что его уже два раза откачивали. Обратил внимание на стенд со всеми этими кубками в холле?

– Угу, – кивнул Свен, не переставая жевать.

– Это всё Джибс, – покачал головой Альберт, и в его голосе послышались нотки уважения. – Ему только за это всё и спускают, а то давным-давно бы вышибли. Даже простили случай, когда он запулил бомбочку-вонючку в окно особняка Мастера колледжа, представляешь? Такой скандалище. Докинул ведь, силища, что ни говори. Поговаривают даже, что он на фронте был. Но никому не рассказывает.

Оторвавшись от еды, Свен внимательно посмотрел на Джибса, который, налегая на жаркое, не преминул беззлобно угостить подзатыльником что-то ляпнувшего соседа, у которого от шлепка очки свалились в тарелку с супом. Соседний стол взорвался от хохота.

– Ясное дело, отмазался, – Альберт, не отставая от приятеля, тоже принялся за пирог. – Вот устроился, а, скажи, Свен?

– Каждому своё, – пожал плечами юноша. – Зато он местная знаменитость.

– Этого не отнять. В этом мире нет справедливости, – фыркнул Альберт. – Ладно, потопливайся, ещё в библиотеку за учебниками топать. Кому грести, а кому и просвещаться надо.

Для Свена потянулись долгие учебные дни, наполненные новыми знакомствами и открытиями. Альберт всячески помогал ему быстрее освоиться в новой обстановке, и они довольно быстро сошлись, коротая вечера за шахматами.

Ужасы войны понемногу отступали, но боль от утраты семьи продолжала острым кинжалом терзать его сердце. Свен мучился и готов был кричать от собственного бессилия, от невозможности всё повернуть вспять. Пустить жизнь в новое русло.

Будь его воля, он бы вообще сделал так, чтобы этой проклятой войны, сделавшей столько, как он, сиротами, вообще никогда бы не случилось. Чтобы в мире никогда больше не было боли, страха, страданий. Бесконечного количества никому не нужных смертей. Чтобы люди во всех уголках планеты были живы и счастливы. Но как? Сказка. Утопия. Несбыточная мечта отчаявшегося человека, всеми силами пытавшегося ухватиться хоть за какой-нибудь призрачный шанс изменить ход времени. Свену оставалось только вздыхать. Одиноким юноша загнанным зверем метался и не мог обнаружить ответа.

Так закончилась осень, и на смену роскошному красно-жёлтому убранству Оксфорда пришёл пронзительно-слепящий белый цвет, за одну ночь поглотив все остальные краски. Словно на неудавшейся акварели, которую безжалостно залили растворителем. Зима хрустальным саваном из снежинок мягко укутала колледж и прилегающие к корпусам окрестности.

– Да, дружище, – заключил Альберт, наблюдая снег из окна их комнаты. – А ведь, казалось, только вчера познакомились. С этой учёбой время летит так быстро, что у меня иногда создаётся ощущение, что все мы покинем эти благословенные стены сгорбленным седым старичьем.

Свен повернулся к фотографии всклокоченного Эйнштейна и понимающе усмехнулся.

²¹ Кембридж.

²² Имеется в виду популярная в Великобритании лодочная регата The Boat Race между командами Оксфорда и Кембриджа, которая проходит с 1856 года каждую последнюю субботу марта или первое воскресенье апреля.

Теперь, помимо мантии, ему ещё приходилось обматываться в один из толстых вязаных шарфов, которые к Рождеству им прислала мама Альберта. Свен очень любил, устроившись в кресле, слушать, как новый друг зачитывает ему длинные письма из дома. Самому-то ему некому было писать. На вопросы Альберта он лишь небрежно отмахивался, мол, родители вечно так загружены, а он переживёт.

А время неумолимо шло, по-прежнему не замедляя своего бега. Во дворе колледжа поставили нарядную ёлку с россыпью лент и всевозможных игрушек. Дух надвигающегося праздника на время растопил сердце юноши, и он присоединился к приготовлениям.

Студенты играли в снежки, катались на коньках, Джибс по обыкновению веселил всех тумаками и развлекался тем, что лепил всевозможных уродливых снеговиков и прикреплял им морковки с орехами не совсем в нужное место, чем доводил до бешенства гонявшегося за ним завхоза мистера Флетчли под дружный хохот студентов.

Однажды холодным зимним утром, перед лекцией по теории философии квантовой механики, наведавшись за новыми учебниками, Свен заглянул в специальную секцию художественной литературы, куда периодически подвозили новые популярные издания. Ему хотелось параллельно с учебой для разнообразия почитать что-нибудь ещё. Хотелось отвлечься от невесёлых мыслей на овеваемой соленым ветром палубе пиратского галеона или в седле мушкетёрского скакуна.

Тогда-то он впервые и увидел на полке одного из многочисленных стеллажей роман «Машина времени», написанный Гербертом Уэллсом. Привлечённый книгой, юноша задержался в библиотеке дольше обычного и чуть было не опоздал на чтения. Что заставило его обратить внимание именно на неё? Название? Необычное сочетание терминов?

– С точки зрения науки, весьма сомнительная история, – нацепив на нос очки, по обыкновению неторопливо пожевав губами, проскрипел дымящий буковой трубкой профессор Бигбси, прикреплённый к Свену в качестве тьютора по философии, когда тот привычно зашёл к нему посоветоваться с книгой. – Она появилась после того, как некий студент по фамилии Хэмилтон-Гордон в подвальном помещении Горной школы в Южном Кенсингтоне, где проходили заседания «Дискуссионного общества», сделал доклад о возможностях неевклидовой геометрии по мотивам книги Хинтона «Что такое четвертое измерение». Слыхали о таком?

– Нет, сэр, – виновато ответил Свен.

– Она, в известном смысле, предвосхитила Эйнштейна с его теорией относительности. Любопытно устроена жизнь, м?

– Да, профессор, – не зная, что ответить на это, пожал плечами студент. – А что с книгой?

– Как приключенческий роман, – вынося вердикт, Бигбси постучал чубуком трубки по обложке книги, – безусловно, это увлекательное чтение, молодой человек. Уэллс – превосходный рассказчик. Только не забывайте про эссе, которое вы задолжали мне в том семестре.

– Конечно, сэр.

– Кстати, на следующей неделе лекцию по лингвистике будет читать профессор Джон Толкин, – как бы между делом вспомнил профессор, подойдя к окну и смотря во двор, где группами гуляли студенты. – Знакомы с его «Хоббитом»?

– Нет, сэр, – Свен почувствовал, как у него запылали уши. Сейчас он казался самому себе необразованным неотесанным чурбаном, а ему так не хотелось расстраивать этого добродушного старика.

– Друг мой, это великолепная книга! Вот её я вам настоятельно рекомендую, если вы так любите невероятные приключения и удивительные путешествия по вымышленным мирам. Она есть в библиотеке, найдите, а заодно советую ознакомиться с его лекцией «Тайный порок», прочитанной им в этих стенах в тысяча девятьсот тридцать первом году. Заодно

подготовьтесь, он любит задавать каверзные вопросы. Хотя и не ваш поток, но я договорюсь, чтобы вас пропустили послушать. В конце лекции профессор Толкин предлагает вниманию своих слушателей стихи, написанные на «воображаемых языках», тоже весьма любопытно.

Он подождал, пока Свен всё запишет, и, проведив до дверей кабинета, отсалютовал трубкой.

– Я обязательно приду, – с готовностью пообещал юноша. – Спасибо, профессор.

– Ещё бы. Дерзайте, юноша. Это я вам в качестве *ad notam*²³.

Подбодренный таким своеобразным напутствием, Свен все свободные часы старался посвящать роману. С первых же строк книга целиком захватила юношу. Это была история, описывающая мир будущего, в которое отправляется Путешественник во Времени. Мир представлял собой своеобразную антиутопию – научный прогресс привёл к деградации человечества.

В книге описывались два вида существ, в которые превратился человеческий вид – морлоки и элои. Ознакомившись с новым миром, герой приходил к выводу, что научно-технический прогресс на Земле остановился, и человечество достигло состояния абсолютного покоя.

Это импонировало мыслям Свена. Книга очень сильно повлияла на него. Продолжая читать, он чувствовал, как что-то начинается. Где-то внутри, как готовящееся прорасти семечко, как будущая мать ещё до визита к врачу чувствует, что беременна. Свен волновался и стал плохо спать, клюя носом на лекциях. Что-то должно было случиться.

Свен чувствовал, что одержим Идеей.

Тем временем наступила свежая, пахучая весна, задорной каплей застучавшая по массивным ступеням общежития, и Джибс, которому назначили дату гонок²⁴, сделал сокурсникам передышку, часами пропадая в спортзале лодочного клуба университета, готовясь к ежегодной престижнейшей дуэли по академической гребле между Оксфордом и Кембриджем, которая должна была пройти в последнюю субботу марта.

В ночь накануне гонок Свен, измотанный эссе для профессора Бигсби, не дочитав главу, где рассказывалось, что морлоки, в представлении Путешественника во Времени, оказывались потомками рабочих, всю свою жизнь обитающих в Подземном мире и обслуживающих машины и механизмы, заснул, наконец-то начиная осознавать, что его растрепанная, наполненная бегством и лишениями жизнь постепенно входит в спокойное русло и налаживается, обретая некую целостность.

Но он не знал, что главное событие, которое навсегда изменит не только его жизнь, но и судьбы сотен миллионов людей, ещё впереди.

Семечко дало первый росток.

Именно в ту самую ночь Свену Нордлихту приснилась Машина.

²³ Для заметки, к сведению (лат.).

²⁴ День гонок назначается капитаном проигравшей в прошлом году команды.

Глава пятая

Долги я платил опять и опять,
Вину искупил,
Чтоб себя не терять,
И ошибался я часто всерьёз,
Терпел оскорбления,
Угрозы, но всё я перенёс!
И теперь вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!

Мы – чемпионы, друзья,
И мы будем драться до конца.
Мы – чемпионы, мы – чемпионы.
Нет неудачам, ведь мы – чемпионы
Навсегда!

Было другое: мой звёздный час.
Вы дали мне славу,
Удачу и всё остальное.
Благодарю вас!
Но это не рай,
Не к нему я стремлюсь.
Это вызов всего человечества, и я,
Знаю, прорвусь!
И теперь вперёд,
Вперёд, вперёд, вперёд!

Queen, «We Are The Champions»

– Сдвинули с берега мы корабли на священное море, разом могучими вёслами вспенили тёмные воды!²⁵ – торжественно декламировал Альберт ранним утром, отдёргивая шторы, и в их комнату брызнули мягкие лучи первого весеннего солнца. – С погодой, смотрю, фартит, а? Вот он, дружище, день великой битвы! Ха! Интересно, что сейчас творится в лагере Кемджи.

В день гонок невзрачные набережные Темзы по обе стороны на всем протяжении дистанции от моста Путни до Мортлейка вверх по течению были заполнены зрителями, насколько хватало глаз.

– Наши, наши идут! – взволнованно потыкал локтем Свена стоящий рядом Альберт. – Смотри! Вон Стивенсон! Эгей, Джибс!

Свен вздрогнул от неожиданности, когда сосед, прислонив два пальца ко рту, пронзительно засвистел.

Команда Кембриджа предстала на старте в голубых костюмах, Оксфорда – в тёмно-синих. Появление Джибса было встречено задорными окриками и подбадриваниями своих сверстников.

²⁵ Гомер, «Илиада».

– Ну что, зададим им сегодня, – окликнул Джибса рулевой, пока тот садился в восьмёрку²⁶, после того как была разыграна жеребьёвка в их пользу²⁷.

– Попробуем, – пробурчал тот, устраиваясь на банке²⁸. Сейчас Джибс был как никогда сосредоточен и собран: ведь ему предстояло проплыть четыре мили триста семьдесят четыре ярда²⁹.

– Ты уж постарайся, Джибс, мы все на тебя рассчитываем!

Проверив каблук, лучший гребец колледжа делал разминку мышц спины, по-прежнему оставаясь хмурым и словно не видя ничего вокруг. За двадцать минут он должен был сделать почти шестьсот гребков, но Джибс постоянно старался превзойти себя, поставив новый личный рекорд. Сегодня был его день, и уровень концентрации и внутреннего напряжения достиг в нём наивысшей точки.

Старт гонки дался за час до того, как уровень воды в Темзе установился наиболее высоким – ни проливной дождь, ни порывистый ветер, ни резкое повышение уровня воды в реке были не в силах остановить участников, для которых чем было сложнее, тем интереснее. Как, собственно, и многочисленных зрителей: на берегах Темзы в день гонки собралось до четверти миллиона человек. В этом крылась сама суть британского духа.

Гребцы заработали веслами, и восьмёрки полетели вперёд. В отличие от классических спортивных регат, где каждая лодка двигалась по специально отведенной дорожке, обозначенной буйками, на Темзе ничего подобного не было, и каждый экипаж был вправе использовать всю ширину реки.

Самым важным и решающим отрезком для себя Джибс всегда считал предпоследний участок от Хаммерсмитского моста до пивоварни Фуллера. Там он обретал второе дыхание, которое позволяло почти на корпус обойти противника, по ходу движения преодолевая крутые повороты в форме буквы S. А это было решающим преимуществом.

– Поехали! – протолкнувшись сквозь толпу на трибуне, Альберт и Свен запрыгнули на университетские велосипеды, прислонённые к лотку, в котором продавались свистульки и разноцветные флажки. – Нужно своими глазами увидеть, кто первый доберётся до финиша!

Они понеслись по улицам вдоль набережной, азартно крутя педали, то и дело поворачивая головы к трибунам и домам с левой стороны, между которыми иногда мелькали несущиеся вперёд лодки.

– Эгей! Не зевай! – засмотревшись на свою команду, Свен рассеянно обернулся на оклик Альберта и влетел в самую гущу брызнувших клокочущим облаком стаю уличных голубей. Его приятель радостно захохотал, объезжая уличного уборщика, который погрозил ему метлой. В этот момент Свен чувствовал, что у него самого за спиной выросли крылья. Словно он сам был спортсменом и участвовал в гонке!

С радостным кличем он влетел в большую лужу на мостовой, задрав ноги, когда из-под колес во все стороны брызнули искрящиеся капли воды.

Кристальный весенний воздух звенел от рева болельщиков, в глаза ярко светило солнце, а по улицам гулял свежий ветер. Сонная Англия шумно просыпалась после долгой зимы.

Команда Джибса работала, словно отточенный механизм. До школы Святого Пола лодки двигались почти нос к носу, несколько раз по пересекающимся маршрутам, а один раз даже столкнулись, породив на трибунах взволнованный вздох и вызвав разъярённый рев

²⁶ Команды состязаются на распашных восьмёрках – восемь гребцов и один рулевой.

²⁷ Перед стартом проводится жеребьёвка, определяющая, кому с какой стороны стартовать, и это обстоятельство имеет важнейшее значение: одна лодка получит возможность войти в первый поворот по внутреннему радиусу, другой же придется двигаться по более протяженному маршруту.

²⁸ Подвижное сиденье из пластика или древесины, имеет четыре колеса, движется по полозкам (рельсам).

²⁹ 6779 метров.

капитана оксфордской команды. Но спортсмены у обеих команд были как на подбор, и вот оксфордский заводила показал полностью, на что способен, под радостный галдеж сокурсников.

– Вон они! Наши впереди!

Отчаянно сигналив звонками, Альберт и Свен тоже видели это, несясь на другой берег по мосту Хаммерсмит, где собралось двенадцать тысяч зрителей, столпившихся для того, чтобы посмотреть на лодочную регату, проходившую под мостом отметку чуть меньше половины дистанции гонки протяжённостью четыре и одну четвертую мили.

Свен никогда ещё не видел такого количества людей, собравшихся в одном месте. Разве что в немецком плену. Но здесь все собравшиеся были радостны, лица были оживлены и азартны. Это был весенний пир спорта, и горю здесь не было места.

Взмокший от напряжения Джибс уже различал финишную полосу, несмотря на то, что струящийся со лба пот застилал глаза. Сегодня он превзошёл себя, сделав почти семьсот пятьдесят гребков, и знал, что следующую неделю проведёт в кровати с чудовищной болью в мышцах.

Плывать! Главное, не останавливаться!

– И вот финишная прямая! Идут нос к носу. Оксфорд! Кембридж! Ну, кто же первый? Вот они обходят соперников на полкорпуса, вперёд! Кто же победит в этой дуэли?..

Гонка достигла своего апогея, в то время как в установленных по всей длине трассы динамиках без передышки заливался Джон Снэдж, отчаянно комментируя спортивную схватку³⁰.

– Стивенс, хорош! – окликнул Джибса рулевой, когда лодка команды Оксфордского университета первая пересекла финиш.

А тот всё продолжал грести. Греб и греб, отчаянно работая веслом, словно неудержимый. Взмах, ещё один. Вперёд!

– Эй! – сидящий позади Стивенсона гребец опустил весло и постучал по плечу. – Джибс, хорош. Мы сделали это! Мы доплыли. Победа! Всё, остановись.

– Победа! По-бе-да! – дружно скандировал Оксфорд, когда «синие» все-таки пришли первыми, вырвав победу у «голубых»³¹.

Едва спортсмены выбрались из причаливших к пристани лодок, Джибса окружили сокурсники и, не давая опомниться, стали подбрасывать на руках, выкрикивая «ура!».

– Молодчина! – запыхавшиеся Свен и Альберт, побросав велосипеды, тоже присоединились к остальным, аплодируя. – А? Что я говорил тебе?

Наконец Джибса пришлось опустить на землю, чтобы позволить ему взойти на трибуну и вместе с командой получить заветный кубок. Но Свен обратил внимание, что спортсмен хоть и являлся сегодня победителем, выглядел не таким уж весёлым и вымученно улыбался, послушно позируя окружившим его фотографам. А может, он просто устал.

Настроение у всех было просто великолепное. Это был триумф Оксфорда, и вечером по случаю победы в подобающе украшенном главном зале устроили роскошный праздничный ужин. Свежий воздух, множество новых впечатлений и своя маленькая гонка на велосипеде разожгли у Свена жуткий аппетит. Юноше казалось, что он готов съесть не одну, а целых две порции восхитительного рагу с тушёными овощами и миндальной подливкой, от одного запаха которой желудок призывно заурчал. Да уж, он усмехнулся, Альберт многое потерял. Тот, сославшись на головную боль, остался в их комнате коротать время за томиком Вольтера.

³⁰ Самый известный радиокomentатор Би-би-си времен Второй мировой.

³¹ Здесь допущение. Во время Второй мировой войны университетские команды четырежды выходили на старт, однако впоследствии результатам тех лет было решено не придавать официальный статус.

Новые яркие впечатления на время вытеснили из головы Свена мысли о загадочной Машине, привидевшейся ему во сне, и о которой он не переставал думать все последующие дни. Четвёртое измерение. Путешествие во времени.

Он давным-давно дочитал книгу и вернул её в библиотеку, но видение упорно не желало его отпускать. Оно было настолько точным и ярким, что, проснувшись в тот раз посреди ночи, Свен, стараясь не разбудить Альберта, встав с кровати, осторожно включил настольную лампу и просидел, что-то набрасывая и зачёркивая в запасной тетради для конспектов, почти до самого утра.

«Будь у меня подобная Машина времени, – работая, думал Свен, – я бы не тратил такую удивительную возможность на праздное любопытство и не отправлялся бы в будущее. А наоборот, попытался бы спасти родителей и сестру!»

Написанное Свен аккуратно спрятал в нижний ящик своей тумбочки под комплект сменных рубашек и запер на ключ. Не потому что он не доверял Альберту, просто сама суть, изложенная в тетради, была настолько невероятной и фантастической, что Свен попросту боялся прослыть сумасшедшим или, что ещё хуже, лунатиком.

Что бы сказал его тьютор профессор Бигсби, решишь ли он показать ему записи? Уж наверняка бы не похвалил одного из своих любимых студентов за то, что тот так поддался влиянию обычной вымышленной истории.

– Хэлло, Свен! – его легонько толкнул соратник по шахматному кружку долговязый Питер Солсбери, видя, что приятель застыл, держа пустую тарелку в руках, перед центральным столом с едой. – Чего ворон считаешь? Хочешь, чтобы ничего не осталось? Налетай! Говорят, пудинг сегодня просто отличный.

Накладывавшие на тарелки еду студенты наперебой обсуждали лодочный поединок и Джибса, который принёс университету очередную победу. А тот, усевшись за своим столом на привычном месте и рассеянно отвечая на дружеские похлопывания по плечу и поздравления, выглядел совсем невесёлым.

– Джибс, ты сегодня какой-то совсем сам не свой, – участливо поинтересовался подсевший к нему Свен. – Мы же победили! Ты герой!

– Угу, – спортсмен не шутил и не придурился, а сидел какой-то подавленный, задумчиво уставившись на тарелку, в которой остывала нетронутая еда.

– Что-то случилось? – никогда не видевший Джибса таким Свен даже позабыл, что проголодался.

– Знаешь, в тот день я гостил у матери. И мы получили вести с фронта. Я смотрел и радовался, что брат вернулся с войны на такой красивой машине. А нам привезли письмо, что его больше нет, – Джибс вздохнул и сжал кулаки, хрустнув костяшками пальцев. – Они высаживались в Нормандии в июне сорок четвёртого. Плыли на всех парах. Их десантный бот причалил одним из первых, поэтому огонь со всех укреплений сосредоточили на нём.

Отложив еду, Свен затаив дыхание слушал неожиданную исповедь человека, которого до этого считал бесшабашным и чёрствым.

– Мама так и не пришла в себя, – Джибс стиснул вилку с такой силой, что у него побелели костяшки, и Свену показалось, что он её вот-вот согнёт. – Поэтому я и плыву, – сквозь стиснутые зубы хрипло проскрежетал спортсмен. – Каждый раз. Каждый год. Чтобы доплыть за него. Я пытался попасть на фронт, чтобы отомстить за брата, но родители не пустили.

– Приятель, мне очень жаль... – Свену захотелось поделиться в ответ терзавшей его самой глухой болью, но он вовремя прикусил язык. Ему следовало избегать любых разговоров о своей собственной семье, чтобы случайно не проболтаться. – Тебе нужно восстанавливать силы, ведь так? Это была великолепная гонка! Никогда ничего подобного не видел.

– Спасибо. Правда, эти олухи из Кемджи нас чуть к чёрту не перевернули. А один раз одна из лодок даже затонула, и заплыв пришлось начинать сначала, представляешь? Вот уж где пришлось попотеть. Но так даже интереснее, – впервые за вечер Джибс явно расслабился и улыбнулся, посмотрев на вилку, которую так и держал в руке. – Пожалуй, ты прав. Набью себя под завязку, и спать.

На следующий вечер, во время очередного заседания шахматного кружка, проводимого в одном из уютных уголков библиотеки, где собрались теперь уже ставшие его приятелями Питер Солсбери, Джон Пол, Глэд Ливингстон и Ник Оверфол, Свен обратил своё внимание на красивую доску с расставленными на стартовые позиции фигурами, изображающими древние армии.

Пока Глэд и Пол привычно ломали головы, склонившись над доской сёги³², он осторожно взял фигурку Офицера, изображённую в виде воина с орлиным профилем, держащего в руках двуручный меч, и с любопытством повертел её в руках.

– Эти фигурки Офицеров напоминают мне одну из работ Арно Брекера, – видя его интерес, сказал Альберт. – Замечательные, правда? Какое изящество, мастерство. Их подарил университету мой отец.

– Брекер? – Свен, нахмурившись, покопался в памяти. – Это тот, что украшал павильон Германии на международной выставке в Париже?

– Да. Арно был официальным монументалистом Третьего рейха и любимцем Гитлера. Большинство его работ были уничтожены во время атаки на рейхсканцелярию. Но речь не о знаменитых Меченосце и Факелonosце, а о его малоизвестной скульптуре Стража границ. Этот Страж выглядел точь-в-точь как эта шахматная фигура Офицера, только в высоту он достигал пятнадцати метров. Такие каменные колоссы Гитлер планировал установить вдоль границ своей Великой Империи. Но не успел, и сотни Стражей границ так и не покинули мастерские Брекера и были уничтожены во время артобстрела.

– Я не в первый раз замечаю, что ты многое знаешь о фашистской Германии, – повернувшись к сидящему в кресле приятелю, который на манер позирующих денди закинул ногу на ногу, отметил Свен.

– Так и есть, – заверил Альберт, торжественно воздев палец. – Искусство и традиции Рейха не лишены своего величия и очарования. В них есть идея! Монументальное воплощение. Ритм, наконец!

Свен вздрогнул при этих словах, но ничего не ответил, сделав вид, что продолжает внимательно изучать диковинную доску.

Приближалось время летних каникул. Как-то утром, стоя в комнате друг перед другом в стойках и боксируя, Альберт сделал Свену необычное предложение.

– Итак, чем намереваешься заниматься на каникулах? – поинтересовался он, делая обманный выпад.

– Не знаю, – вовремя предупредив удар, Свен умело блокировал его. – Ещё не думал. Может, останусь в университете.

Он действительно понятия не имел, чем заполнить отпущенное на студенческие выходные время, и с тоскливой грустью ожидал, когда сокурсники разъедутся по домам. Он покопался на тумбочку, где хранилась заветная тетрадь с набросками Машины, и прозевал акцентированный удар³³.

– Боксируй, Свен! Резче, вот так! – раззадоривал противника Альберт. – Оп! А чего не рванёшь к своим?

³² Японская настольная логическая игра шахматного типа.

³³ В серии ударов боксера – удар, отличающийся от других по силе, резкости и точности.

– У них постоянно работы невпроворот, – неопределённо ответил Свен. – Мотаются по графствам туда-сюда, по делам недвижимости. Помогают поднимать страну. Так что более чем уверен, что и в этот раз одному куковать, велика радость.

– Ясно, сбагрили сына на оксфордские галеры, чтобы без дела не скучал.

– Типа того.

– В таком случае, что ты скажешь на то, чтобы провести каникулы у меня дома? Познакомлю с родителями и сестрой. Грета тебе понравится. Настоящая умница, мама в ней души не чает. И тоже собирается на следующий год сюда поступать.

От неожиданности идущий в наступление Свен не закончил джэб³⁴, тем самым дав фору перехватившему инициативу противнику.

– Ты меня приглашаешь?

– А почему нет. Раз у тебя нет никаких планов, рванем вместе в усадьбу отца, – не переставая двигаться, рассуждал Альберт. – Это относительно недалеко.

– Даже не знаю, – с сомнением ответил Свен. – Удобно ли это, Берти?

– Пф! Я тебя умоляю, – фыркнул приятель. – Родители всегда рады гостям. Постоянно кто-то приезжает, то к матери, то к отцу. К тому же ты мой друг, а это уже наделяет тебя в их глазах особыми привилегиями. Я столько рассказывал про тебя в письмах. Решено! Я напишу им, будет здорово, вот увидишь. Ты ведь никогда не ездил верхом?

– Не доводилось, – вот уж кем Свен действительно не мог себя вообразить, так это галопирующим в седле резвого скакуна.

– Ну вот. Будем делать из тебя первоклассного ездока. У отца лучшие конюшни в Западном Оксфордшире. Уф! Брэйк! – он вышел из стойки и стал расшнуровывать перчатки. – Намного лучше, дружище, намного лучше! Все, на сегодня достаточно, лекция через полчаса, а у меня ещё конь не валялся.

В день отъезда Свен проснулся в комнате один. Не обнаружив Альберта, он умылся, оделся и, достав из-под кровати чемодан, стал собираться.

– Хэлло! С добрым утром! – приветствовал ворвавшийся в комнату Альберт, и вздрогнувший от неожиданности Свен поспешно спрятал тетрадь с набросками, которые к этому времени уже начали обретать форму неких чертежей, на самое дно своего чемодана. – Ну ты и горазд спать! Пошевеливайся! Отец прислал за нами машину. Я уже отнес водителю свои вещи.

– Да, конечно, – надеясь, что приятель ничего не заметил, засуетившись, забормотал Свен. – Я сейчас.

– Осталось сдать форму, и здравствуй, каникулы! Эх, поскорей бы домой, – плюхнувшись на свою кровать, Альберт мечтательно закинул руки за голову. – Кстати, тебе уже приготовили комнату.

Покончив со всеми необходимыми приготовлениями и тепло попрощавшись с остальными сокурсниками, Альберт и Свен забрались в ожидающий их шикарный «Роллс-Ройс» с вышколенным водителем и отправились в путь.

Всю дорогу Свен с интересом смотрел в окно на проносящийся за окном новый, неизвестный пейзаж с плодородными землями, пока Альберт, сидя рядом с ним на заднем сиденье, негромко беседовал с водителем, расспрашивая того о последних новостях из дома.

А Свен думал о том, что в его жизни опять что-то происходит, и судьба продолжает вести его за собой к пока ещё неизвестной, загадочной цели. Что ждёт его впереди?

Наконец, свернув с основной трассы на небольшую ответвляющуюся дорогу, ведущую на территорию поместья Кохов, «Роллс-Ройс» остановился на подъездной дорожке перед роскошным викторианским особняком.

³⁴ Короткий резкий удар прямой рукой в голову.

Пока водитель, предупредительно открыв двери перед выбравшимися на хрустную гравием подъездную дорожку пассажирами, вместе с подоспевшим дворецким возился с багажом юношей, на широкой фасадной лестнице появился вышедший встречать гостей хозяин поместья.

Высокий, под два метра, статный, с аристократическими чертами заострённого к подбородку лица, небольшими залысинами и цепкими серыми глазами, облачённый в безупречный выходной костюм. Его сопровождали миловидная ухоженная женщина с аккуратно уложенными каштановыми волосами, в строгом, не лишённом определённой привлекательности платье, и юная девушка в чёрном кепи, из-под которого непослушно выбивались золотистые кудряшки, в опрятном костюме для верховой езды.

– Здравствуй, мама! Рад видеть тебя, отец, – шагнув навстречу и раскрывая объятия, Альберт, целуя, прижал к сердцу мать, затем так же обнялся с Кохом-старшим, который, взяв его за плечи, чуть отстранил от себя, внимательно рассматривая его лицо.

– Ты вырос, сын, – голос его был мягким и в то же время не лишённым властности. – Возмужал. Настоящий мужчина.

– У меня достойный отец. Мама, папа, Грета, – Альберт подошел к Свену, который во время встречи смущённо стоял в стороне, не зная, что ему делать. – Позвольте представить вам Свена Нордлихта, моего друга и отличного парня! Свен, моя мама, Мелисса Кох, мой отец Генрих Кох, и, конечно же, очаровательная сестра Грета!

– Здравствуйте, – девушка улыбнулась Свену.

– Очень приятно, – Свен галантно поклонился всему семейству.

– В следующем году Грета поступает в колледж Сомервилль и тоже будет учиться в Оксфорде³⁵, – миссис Кох с гордостью посмотрела на зардевшуюся дочь, на щёчках которой алыми бутонами распустился румянец. – У неё большая склонность к литературе.

– Мам, перестань, – смутилась Грета. – Не слушайте ее, мистер Нордлихт, она вечно меня нахваливает.

– Я тоже люблю литературу, – желая поддержать Грету, а заодно и влиться в непринуждённую светскую беседу, заметил Свен.

– Значит, вы легко найдёте общий язык, – оглядев молодых людей, подметила хозяйка. – Грете не терпится послушать истории об университете. Думаю, ей это будет полезно. Берти очень много рассказывал о вас в своих письмах, мистер Нордлихт.

– Прошу вас, миссис Кох, можно просто Свен, – ответил юноша.

– Мам, вы так и будете держать нас на пороге? – улыбнулся Альберт.

– Конечно, прошу вас, заходите, – миссис Кох сделала приглашающий жест. – У Кристины всё готово к ужину.

– У вас замечательный сын и товарищ, миссис Кох. Кстати, большое спасибо за шарф, который вы прислали мне к Рождеству.

– Ну что вы, милый, пустое. Рада, что у него есть такой друг, как вы, Свен. Расскажите о ваших родителях, – поинтересовалась миссис Кох, когда все расположились за круглым столом, накрытым на пять персон. С любопытством поглядывая на гостя, Грета теребила расстеленную на коленях салфетку. Теперь на ней было лёгкое домашнее платье свободного кроя. – Чем они занимаются?

Впервые оказавшийся в высоком обществе, пусть даже это и была семья его друга, Свен украдкой следил за Альбертом, стараясь подражать ему в поведении за столом. Когда к нему обратились, он старательно подцеплял кончиком вилки крупный лист салата и, услышав вопрос, чиркнул ей по тарелке из китайского фарфора семнадцатого века.

³⁵ Сомервилль основан в тысяча восемьсот семьдесят девятом году как первый женский колледж в Оксфорде. Был преобразован в военный госпиталь на время Первой мировой войны.

– Они занимаются недвижимостью в Йоркшире, – стараясь выглядеть как можно более невозмутимым, он наконец-то совладал с салатом и прибавил к нему кусочек аккуратно нарезанного помидора. – У отца своё дело.

– Весьма благородное занятие, – с кивком одобрил глава семейства, пригубляя вино из хрустального бокала. – Дело воссоздания нового мира на пепелище былых лет заслуживает уважения и восхищения. Ваши родители достойные люди, мистер Нордлихт, да и сами вы выбрали правильное направление.

– Благодарю, – слегка поклонился Свен и, боясь сказать лишнего, принялся усердно жевать, перехватив любопытный взгляд сидящей рядом с матерью Греты, которая смущённо опустила глаза.

– Нордлихт... Нордлихт, – Генри Кох покатал фамилию на языке и откинулся на спинке стула, смотря на люстру и словно что-то припоминая. – Необычное сочетание имени и фамилии. Откуда вы родом, юноша?

– Мои предки из Швеции. Меня назвали в честь моего деда, он был капитаном китобойной артели. Когда промысел пошёл на убыль, дед перебрался в Англию. Кое-как устроился в местном порту, затем передал дело сыну, моему отцу. Отец влюбился в красивую немецкую девушку, мою маму. Это было ещё до Первой мировой войны. А Нордлихт, в переводе с немецкого это означает...

– Северное сияние. Я знаю, – кивнул Генри. – Я соболезную вашей утрате, Свен. И рад, что, несмотря на все невзгоды, выпавшие на долю вашей матери, она смогла воспитать столь достойного юношу.

– Благодарю вас, мистер Кох, – ответил Свен. Что-то во взгляде Генри говорило ему о том, что он не до конца поверил рассказу юноши. Слава богу, отец Альберта не стал выспрашивать подробности.

После того как прошла последняя смена блюд и прислуга убрала со стола, сэр Кох пригласил юношей в свой кабинет, обставленный в строго выдержанном викторианском стиле. Свен с интересом оглядывал уютное помещение, застеленное большим персидским ковром с витиеватым узором. Великолепные картины неизвестных Свену мастеров, небольшая коллекция оружия, огромная голова оленя с роскошными ветвистыми рогами, а также всевозможные декоративные предметы интерьера, которые Свену никогда не доводилось видеть.

Особенно его привлекла небольшая статуэтка в виде позолоченной пирамиды, увенчанной глазом с расходящимися лучами, которая стояла на столе. Но спрашивать о её предназначении на первый раз он не решился.

– Что ж, джентльмены, – пройдя к большому напольному глобусу возле письменного стола, Генри Кох нажал потайную кнопку в одной из ножек и, откинув крышку, извлёк из скрывавшегося внутри мини-бара бутылку виски. – Оставим вина прекрасным дамам, а сами отдадим должное отличному напитку истинных мужчин.

Склонившийся Свен живо заинтересовался откидным механизмом конструкции. И пока хозяин откупоривал бутылку, украдкой потрогал несколько пружин. Разлив виски в три низких бокала на два пальца, отец Альберта первым поднял свой и торжественно провозгласил:

– Тост! За ваш приезд и за нового знакомого моего сына. Мистер Нордлихт, за дружбу!
– За дружбу, – повторили юноши и сделали по глотку.

Свену ещё не доводилось пробовать алкоголь, а тем более такой выдержки, и, с трудом проглотив жидкое пламя, он судорожно перевёл дух.

– Сигару? – предложил мистер Кох, открывая небольшую шкатулку на своём столе.

Свен вежливо отказался, а Альберт с удовольствием взял одну и с видом знатока понюхал.

– Сын рассказывал, что у вас есть большая склонность к наукам, – сделал глоток хорошо выдержанного напитка, Кох прислушался к своим ощущениям и, явно оставшись доволен вкусом, продолжил: – Что у вас неплохо получается, и вы делаете подающие надежды успехи.

– О! Он настоящий полиглот, – поспешил заверить Альберт. – Впитывает все, как губка. Феноменальная успеваемость. Все профессора на него просто молятся, да, Свен?

– Перестань, Берти. Я просто много учусь и хочу стать инженером, а это, как ты знаешь, само по себе на голову не свалится, – отмахнулся Свен, осторожно отпивая ещё и чувствуя, как по телу мягкой волной начинает разливаться тепло, от которого слегка кружило голову. – Путь предстоит неблизкий. Мы пока ещё находимся в самом начале.

– Потрясающе! Скромность! Воспитанность! Ум! – улыбнулся Кох-старший. – Вот что всегда отличало истинных британцев от остальных народностей, не так ли. Как раз такие люди и должны стоять у истоков нового мира. Именно сейчас, когда планета только-только поднимается с колен. Молодые, талантливые, энергичные! За вами будущее!

– Полно тебе, отец, ты только посмотри на него, – рассмеялся Альберт, опускаясь в глубокое кресло возле стола и смотря на Свена, который покраснел то ли от волнения, то ли от выпитого виски. – Хватит смущать гостей.

– Я предвижу ваше великое будущее, джентльмены, – тоном, не терпящим возражений, ответил Генри Кох и провозгласил новый тост: – Университет призван заронять в вас зерна культуры и драгоценных знаний, бережно передаваемых из поколения в поколение. И со временем, поверьте, они начнут приносить невероятные плоды. За будущее!

– За будущее!

– Прогресс неотделим от истории, ибо движет её вперёд. Нужно отдать должное инженерам Германии, трудившимся в научных лабораториях во время войны, создававшим невероятные машины и вооружение, – продолжая рассуждать, Кох подлил себе ещё немного виски. – Сколько дерзких придумок, какая невероятная фантазия.

Свен вздрогнул, вспомнив ужасные дни, проведённые в «Собиборе». Призрачный кошмар вновь зашевелился где-то у него в душе. Неужели он так и будет неотступно преследовать его до конца дней. Кровавый молох, медленно сводящий с ума.

– Вы восхищаетесь ими? – дрогнувшим голосом спросил он, внутренне холодея от того, какой может услышать ответ.

– А вы? – вопросом на вопрос парировал Кох-старший.

– Но ведь все эти изобретения были призваны нести разрушение, смерть, – возразил он. – Что это, если не орудия убийства?

– Идея Гитлера была отнюдь не в уничтожении мира, но в постройке нового! Он просто хотел отделить зёрна от плевел, – возразил Кох-старший. – Все, что случилось, все эти бессмысленные смерти – всего лишь вынужденная необходимость. Я ни в коем случае не поддерживаю и не защищаю это, отнюдь. К сожалению, как все безумцы, он был слишком идеалистичен! И пытался достигнуть цели методом огня и меча, тем самым изначально выбрав ошибочный путь. В результате фюрер не смог совладать с властью, которую держал в руках, и, в конечном итоге, она вскружила ему голову. И он пал. Змей пожрал собственный хвост.

– Как мир, построенный на крови и жестокости, может быть счастливым? – спросил Свен. – Вспомните историю, ни одна война или крестовые походы не оставляли после себя благополучный мир. Это путь саморазрушения.

– Но они, так или иначе, меняли его. Благополучие приходит не сразу, нужно трудиться и набраться терпения, – философски заключил Генри Кох. – Если у дерева ампутировать больную ветвь, со временем на её месте вырастет молодая и даст новые плоды. Всё встаёт на места. Новое поколение сменяет старое, и задача родителей всеми силами поддерживать его, обеспечивая процветание будущему.

– И все-таки я уверен, что прогресс и историю можно двигать без применения насилия, – покачал головой Свен. – Наука призвана созидать, а не сеять разрушения. Она должна делать мир лучше, а не разрушать его.

– В первую очередь, наука призвана служить обществу и открывать новые горизонты.

– Вот именно! – Альберт, в своей привычной манере, азартно прищёлкнул пальцами. – Так и не иначе.

– Вы ещё молоды и наивны, Свен, – с отеческой улыбкой констатировал Генри Кох. – Но со временем ваше представление о мире изменится, и вы взглянете на окружающие вас вещи совершенно по-другому.

– Отец, прошу тебя, – вставая с кресла, примирительно рассмеялся Альберт, видя замешательство друга, и, подойдя к нему, положил руку Свену на плечо. – Не слишком ли много информации в один вечер. Вы только познакомились, мы с дороги. Впереди целые каникулы, и у вас ещё будет достаточно времени, чтобы обо всем поговорить и всласть пофилософствовать. Если, конечно, у тебя, по обыкновению, не случится важных и неотложных дел.

– Разумеется, ты прав, сын, – взглянув на массивные напольные часы, кивнул Генри Кох, ставя бокал на журнальный столик. – Мистер Нордлихт, Свен, нижайше прошу простить меня за чудовищную бестактность.

– Ну что вы, сэр, – пылко заверил юноша. – Не стоит беспокоиться.

– Никаких «но», вам действительно необходим отдых, вы с дороги, столько новых впечатлений. Но, поверьте, вы быстро освоитесь и будете чувствовать себя, как дома, – Генри Кох подошёл к Свену и похлопал его по плечу. – Мы всегда рады гостям.

– Благодарю вас за любезность, мистер Кох.

– Альберт покажет вам вашу комнату. Надеюсь, вы разместитесь со всем возможным удобством. Я рад, что ты снова дома, сын.

– Я тоже, отец. Спокойной ночи.

– Отдыхайте, господа. Увидимся за завтраком.

* * *

В первую ночь, лежа на просторной кровати с широким пологом в заботливо отведённой для него комнате, Свен ворочался и никак не мог заснуть, вновь и вновь вспоминая разговор накануне. Он был во многом не согласен с высказываниями и убеждениями Коха-старшего. Особенно ранило упоминание о войне, но отца Альберта нельзя было в этом винить, так как он не был посвящён в тайну персоны юноши.

И в то же время от этого человека исходила невероятная, почти что физически осязаемая аура уверенности и силы, его уверенные рассуждения захватывали собеседника, и особенно запомнилась Свену красивая метафора о больной ветке дерева, которая со временем вырастет вновь. Ничего, у них впереди ещё много дней, и он обязательно с ним поспорит.

Закljučив своеобразную сделку с самим собой, Свен заснул, а наутро, не вылезая из кровати, дрожащей от возбуждения рукой остервенело строчил в тетрадь с Машиной первый набросок о теории древа линий временных вероятностей. Не в силах ещё до конца осознать происходящее, но теперь, со сладостным предвкушением, уже точно понимая, что стоит на пороге невероятного изобретения.

Вступить в долгожданную полемику с хозяином поместья, чтобы привести свои контраргументы, юноше, к его разочарованию, удалось не так скоро, как ему того бы хотелось.

Альберт часто закрывался с отцом в его кабинете, где они пропадали по несколько часов, занимаясь какой-то работой, и подолгу что-то обсуждали. Однажды, проходя мимо двери, он услышал обрывок разговора, и ему почудилось, что упомянули его имя. Когда Свен сделал попытку полюбопытствовать, друг только загадочно улыбнулся.

– Всеу своё время, старина, – сказал он. – Терпение. На отца свалилось одно неотложное дело. Придёт час, возможно, ты всё узнаешь.

Поэтому если бы не Грета, решительно взявшаяся за его обучение езде на лошади, юноша бы окончательно заскучал. Из действительно великолепных конюшен ему выделили гнедого скакуна, которого звали Рубин.

Поначалу Свен чувствовал себя неуверенно на достаточной высоте, чувствуя, как под ним резво движется живое существо, с фырканием прядая ушами, пока наездник и лошадь привыкали друг к другу.

– А она с тебя прямо глаз не сводит, – иронично констатировал Альберт, когда в один из дней они в сторонке наблюдали, как девушка выводит из конюшни лошадей для новых занятий.

– Почему ты так думаешь? – удивился Свен.

– Да брось. Точно тебе говорю, что я, сестру не знаю? Бесплатный совет. Смотри, аккуратнее, – со своей неизменной иронией порекомендовал он, когда со стороны особняка его окликнула миссис Кох. – Не разбей девичье сердце. Иду, мам!

– Ну что, готов? – спросила Грета и подвела к Свену Рубина.

– Конечно.

– Тогда садись, я его подержу. Во-от, та-ак. Спокойно, Рубин, – она ласково погладила скакуна по холке.

Грета. С ней Свен забывал обо всем на свете. Хрупкая, воздушная, такая юная. Обворожительная в своём элегантном костюме для верховой езды, то и дело с уверенностью бывшего конюха отдававшая нужные команды, выстукивая при этом стеком по голенищу высокого сапога.

Но как и во всём касающемся чего-то нового, Свен был прилежен, быстро учился и даже ни разу не упал. А когда, наконец, самостоятельно галопом описал вокруг Греты широкий круг, упиваясь доселе не испытанным чувством невероятной свободы, та засмеялась, радостно хлопая в ладоши.

– У вас великолепно получается, Свен!

– Всё потому, что у меня прекрасный учитель, – поклонился он, останавливая Рубина рядом с девушкой.

Теперь их конные прогулки стали ежедневными, и довольно скоро Свен выучил все окрестные территории, прилегающие к имению Генри Коха.

– У вас есть какие-нибудь увлечения, Свен? – в одну из таких прогулок поинтересовалась девушка.

– Люблю учиться. Люблю читать книги. Пока мне не разрешается покидать университет в учебное время, это единственное окно в другой, большой и неизведанный мир.

– Какие книги вы предпочитаете?

– Прошу вас, Грета, можно на «ты», мы ведь уже столько общаемся, – попросил Свен и, смутившись, добавил: – Если вы не возражаете, конечно.

– Конечно, нет, – легко согласилась девушка. – Так что ты любишь читать?

– Ну, в колледже не часто удастся выкроить время на какую-то другую литературу, кроме необходимой для занятий. Но если получается, мне очень нравятся приключения и фантастические книги. К примеру, Герберт Уэллс и его «Машина времени». Слышала о такой?

– Нет. Про что она?

– Про одного человека, который придумал способ путешествовать во времени. Его звали Путешественник во Времени, – начал увлечённо рассказывать Свен, заново переживая захватывающие эпизоды романа. – Он отправляется в будущее, чтобы посмотреть, что в дальнейшем ждёт мир и всё человечество.

– И что же там? – В глазах девушки сквозило неподдельное любопытство. – Что он увидел?

– Всё оказалось не так безоблачно, как он себе представлял, – натягивая поводья Рубина, вздохнул Свен. – Технический прогресс на Земле остановился, и человечество достигло состояния абсолютного покоя. И никуда больше не шло.

– Как грустно.

– Скорее философски. Там затрагивается огромное количество различных социально-психологических проблем, которые автор ставит перед описываемым обществом.

– А что с ним случилось потом? Что стало с Путешественником? Он вернулся назад?

– Он отправился в новое путешествие и больше не вернулся.

– Жаль. А моя любимая книга «Джейн Эйр», – решила поделиться своими вкусами Грета. – У неё такая сложная и невероятная судьба. Она сирота, но с сильным характером. Читал?

– К сожалению, нет. Но верю тебе на слово, – с улыбкой заверил собеседницу Свен.

– Как же здорово! Я так долго ни с кем не могла поговорить о книгах. В нашей семье не принято предаваться пустым фантазиям. Хочешь, дам почитать? – вдруг предложила Грета.

– Хочу, – поддавшись неведомому порыву, согласился Свен.

Некоторое время они ехали молча, думая каждый о чём-то своем, просто любуясь безмятежными окружающими пейзажами Западной Англии. Свен обратил внимание, что даже когда они не разговаривали, он не испытывал чувства неловкости, а даже, наоборот, с Гретой он ощущал поразительное спокойствие, словно знал её уже много лет. Это были совершенно новые ощущения и переживания, которые завораживали его, пробуждая новые, доселе не испытанные эмоции.

– В университете сложно учиться, да? – придержав свою Дейзи, очаровательную гнедую лошадку в красивой попоне, наконец спросила девушка. – Много задают?

– Интересно, но преподаватели, конечно, требовательны, – стал охотно объяснять Свен. – Требуют постоянной работы. Приходится выкладываться по полной, что ни говори. Но это ведь того стоит, за этим туда и поступают. Куча всего: новые знания, интересные предметы, много замечательных людей. Всякие кружки и дополнительные занятия. А ежегодное состязание по гребле между нашим университетом и Кембриджем... О! У нас на факультете есть один парень, Джибс, он капитан нашей команды, видела бы ты его на Темзе! Тебе понравится, вот увидишь.

– А мы там будем видеться?

– Посмотрим, я не знаю правил относительно женских колледжей. У нас девушек нет.

– Но вы же выходите гулять в город. Ведь можно. Мой колледж тоже располагается в Оксфорде? – спросила Грета, и Свену показалась в её голосе затаенная нотка надежды. Или действительно только показалась?

Не в силах оторваться от её восхитительных карих глаз, он только сейчас заметил, что лошади давно остановились и, став рядышком, мирно пасутся на лужайке у озера, обмахивая хвостами.

– Тебе бы этого хотелось?

Вместо ответа Грета звонко засмеялась, и Свен рассмеялся в ответ.

– Догоняй!

Пришпорив заржавшую Дейзи, она первая стремительно припустила вверх по склону холма.

За этими беззаботными развлечениями и прогулками время пролетело как один день, и Свен сам того не заметил, как каникулы кончились. Сидя на заднем сиденье «Роллс-Ройса», уносящего его и Альберта через сельскую местность в сторону Оксфорда, и держа на коленях врученный девушкой роман Шарлотты Бронте, юноша смотрел на своё отражение в

стекле, по которому мелкими каплями барабанил дождь, и вместо себя видел лицо Греты, которая ему улыбалась.

Пытаясь отогнать невесёлые мысли и воспоминания о родителях, с новой, пронзительной силой разрывавшие душу, он снова посмотрел в окно. И вместо лица Греты на этот раз увидел своё собственное, залитое струями дождя, которые текли по его щекам, словно слёзы.

Неужели всё со временем должно повториться снова?!

Глава шестая

Тикают секунды, наполняя скучный день,
Ты разбрасываешься по мелочам и понапрасну тратишь время,
Вертишься вокруг клочка земли родного города,
В ожидании, что кто-то или что-то укажет тебе путь.

Надоело лежать на солнце и глазеть из окна на дождь,
Ты молод, жизнь длинна, и есть время, чтобы убить сегодняшний
день.
И вдруг ты замечаешь, что прибавил ещё десяток лет,
Никто не сказал тебе, когда бежать, и ты прозевал
выстрел стартового пистолета.

А ты бежал и бежал, догоняя солнце, но оно ускользало
И, обегая по кругу, снова вставало позади тебя.
Солнце относительно то же, что и раньше, только ты постарел,
С перебоями в дыхании, на день ближе к смерти.

Pink Floyd, «Time»

Блестяще окончив Оксфорд и тепло попрощавшись с Альбертом, который, будучи способным к наукам, по-прежнему оставался типичным беззаботным денди и решил не покидать «родового гнезда», коим, по его словам, была для него матушка Англия, Свен Нордлихт взял курс на Нью-Йорк. В тысяча девятьсот пятьдесят втором году, чтобы поступить в инженерную магистратуру государственного научно-исследовательского университета Буффало.

И, благодаря своей природной усидчивости, терпению и неиссякаемому стремлению к знаниям и новым открытиям, уже через пять лет получил учёную степень доктора.

К тому моменту Машина полностью владела сознанием Свена. Первая тетрадь, в которую он в ту памятную ночь сорок шестого года заносил свои первые мысли, пытаясь сумбурно восстановить видение, явившееся ему во сне, обветшала, потолстела и стала рассыпаться от старости. Тогда изобретатель завёл большой портфель из дублёной кожи, в котором бережно хранил старые и новые документы, которые постоянно пополнялись, неторопливо, но уверенно превращая волшебное видение в рабочий чертёж.

Понимая, что ему необходимо двигаться дальше, чтобы изобретать, Свен, которому на тот момент уже исполнился тридцать один год, подал заявку в Американскую ассоциацию исследований, желая получить за свои заслуги перед университетом и остальным научным сообществом степень профессора.

С ответом немного затянули, но удача снова, в какой уже раз, решила предпочесть сторону Свена. Ознакомившись с его досье и рекомендациями, Ассоциация присвоила ему степень профессора, и в новом звании молодой учёный был торжественно зачислен в преподавательский штат университета Буффало.

Как правило, новоиспечённый профессор Нордлихт преподавал и работал в своей собственной аудитории, в которой исправно и с большим увлечением читал студентам курс по теории квантовой физики. Но в свободное от занятий время он отправлялся в соседнюю аудиторию, принадлежащую его приятелю, профессору Натану Гришему, который разрешал ему использовать громадную раздвижную доску-перевёртыш, состоявшую из нескольких секций. Переворачивая её другой стороной, Свен тщательно переводил на неё полную схему

функционирования Машины из своих рукописей, которая на его глазах обретала целостность. Но изобретателю постоянно не хватало какого-то одного-единственного элемента. Крохотной детали, винтика, упорно не желающего вставать на своё место.

Раз за разом, доходя до конца и вновь возвращаясь к началу, он никак не мог понять, чего же ему не хватает. На первый взгляд, созданная Свенем подробная квантовая теорема преодоления пространства и времени была логична и гармонична, но каждый раз, вот уже какой месяц, далеко за полночь, добираясь в своих упорных вычислениях до конца доски и натываясь на уродливую закорючку в виде цифры «три», которой заканчивалось уравнение, он вновь попадал в тупик, растерянно покусывая кончик мелка.

Что-то упорно не сходилось и никак не хотело работать. Имея все исходные данные, он продолжал топтаться на месте, так и не продвигаясь вперёд. Но не склонный к унынию Свен, одержимый идеей спасти свою семью, с упорством истинного учёного, понимающего, что ответ прячется где-то совсем рядом, продолжал терпеливо работать, раз за разом внося всё новые и новые поправки в складывающуюся теорему.

– Что же, что же, что же, – как любой одинокий человек, зачастую разговаривающий сам с собой, Свен, задумчиво бормоча себе под нос, чертил, чертил и чертил, нещадно расходуя бесчисленные коробки мела. – Что ж за чёрт! Где же не сходится? До пятидесятой страницы всё прекрасно работает, пока не подключаются линии вероятности. Что же я каждый раз пропускаю? Мне бы хоть какую-то подсказку...

Время текло. Схема так и оставалась незаконченной, хотя, казалось, изобретатель перепробовал все возможные варианты решения этой задачи, курсируя напротив доски, словно тигр, запертый в клетку.

И вот однажды чудо все-таки произошло.

В то утро Свен так и не смог понять, каким непостижимым, невероятным образом головоломка внезапно сложилась. Ведь всё действительно было на виду. Решение всё время находилось у него под носом. Так просто.

Но радовавшийся Свен внезапно пришёл к другому, немаловажному и не более странному выводу. Частенько оставаясь в университете на ночь, он, предварительно запирая аудиторию изнутри, засыпал напротив чертежа прямо за одной из парт в первом ряду.

Вот и в то утро его аудитория была заперта изнутри, подойдя к двери, он на всякий случай подёргал ручку и, вернувшись к исписанной доске, запустил перепачканные мелом пальцы в волосы, не в силах отвести взгляда от конечной цифры «три», к которой чьей-то неведомой рукой была пририсована вторая половинка, образующая знак «бесконечности».

Приблизившись, Свен протянул руку, всё ещё не веря в реальность происходящего, и осторожно коснулся свежепририсованной линии кончиками пальцев, на которых остался меловой след, и задумчиво, словно во сне, растёр его подушечками. Факт оставался фактом. Машина, с помощью которой становилось возможным путешествовать как во времени, так и в пространстве, не на страницах книг, а в реальности, наконец-то была изобретена.

Эта задача казалась парадоксально более неразрешимой, чем та, которую он перед собой ставил, чтобы закончить чертёж. Кто мог попасть в закрытое помещение? Обойдя аудиторию, Свен методично одну за другой раздвигал тяжёлые шторы и проверял плотно закрытые рамы окон.

Бессмыслица. Второй вопрос был ещё более запутанным. Первое – кто мог знать о его работе, в то время как Свен держал всё в строжайшем секрете, и что выходило невероятнее всего – у кого хватило навыков и образования, чтобы за одну ночь решить сложнейшую научную теорему, на создание и решение которой он сам потратил столько долгих лет?

От раздумий его отвлёк осторожный стук в дверь, из-за которой послышался знакомый молодой голос.

– Извините, профессор, вы тут? Это я, Кристофер, доброе утро!

Напрягшийся Свен с облегчением выдохнул и поспешил открыть дверь одному из своих студентов, Кристоферу Кельвину, который ради лишнего заработка подрабатывал в университете уборщиком с утра пораньше.

– Заходи-заходи, – он торопливо затолкал студента в аудиторию и, оглядев напоследок пустой коридор, плотно притворил за собой дверь. – Скажи, Кристофер, я тут вздремнул немного, – помявшись, начал Свен. – Ты случайно не видел, в аудиторию кто-нибудь заходил или выходил из неё в ближайшее время?

– Как это возможно, – опираясь на швабру, искренне удивился Кристофер и кивком указал на массивные дверные ручки. – Вы каждый раз запираетесь изнутри. Это «зингер и блотт» этого года, их же сам чёрт не откроет.

– Знаю-знаю, – нетерпеливо замахал руками профессор. – Но всё-таки...

– Нет, никого не видел, я недавно пришёл. О! Вы ещё не закончили свою формулу? – перехватив швабру, Кристофер подошёл к исписанной доске, уважительно покачав головой. – Здорово это у вас получается. А что она обозначает?

– Спасибо, в данный момент это не важно. Как-нибудь потом тебе расскажу, может быть, – глядя на паренька, начал собираться Свен, накидывая пиджак. – Кстати, сегодня можешь смывать её.

– Как? – Глаза Кельвина раскрылись от удивления так широко, что почти вылезли из орбит. – Вы ведь так долго над ней работали!

– Не волнуйся, я всё переписал, – заверил уборщика Свен, постучав по лежащему на первой парте портфелю.

– Да? Ну, раз так, – в голосе студента всё ещё сквозило недоверие. – Как скажете, профессор. Но она такая красивая, может, оставить как есть?

– А как тогда другие будут пользоваться доской? – резонно поинтересовался Нордлихт.

– Тоже верно, – согласился Кристофер. – Хорошо, я сегодня всё сделаю.

– Лучше бы ты сделал это сейчас, – подойдя к нему, Свен перехватил под мышку портфель и положил свободную руку на плечо Кельвина. – И как можно быстрее, до того, как соберутся студенты. Договорились? Всё, мне пора.

– До свидания, профессор.

Оставшись один в пустой аудитории, Кристофер отложил швабру и, взяв губку для чистки мела, макнул её в своё наполненное водой ведро.

Затем, отойдя на несколько шагов, в замешательстве повернулся к огромной грифельной доске, всю поверхность которой покрывал сложный чертёж.

* * *

Идущий по коридору Свен словно обрёл второе дыхание. Невероятно! Кто бы ни был его таинственный благодетель, осознанно или по чистой случайности мазнувший по доске мелом и тем самым завершивший его чертёж, он навсегда помог создать технологию, способную изменить историю человечества. Навсегда.

От открывавшихся перспектив у Свена вспотели ладони и засосало под ложечкой. Теперь важно было не терять голову и постепенно переходить от столь затянувшейся теории к долгожданной практике. Но для этого ему было жизненно необходимо финансовое вложение. И весьма солидное.

Всё ещё раз тщательно перепроверив, спустя неделю после чудесного открытия, Свен через декана обратился к попечительскому совету университета, который занимался выдачей грантов, в надежде, что ему помогут с дальнейшей реализацией изобретения.

Рассмотрев заявку молодого профессора с подающим надежды послужным списком, заседание попечительского совета Буффалского университета было назначено на пятницу,

через четыре дня. В ожидании назначенного срока Свен не мог усидеть на месте, волнуясь, как когда-то давным-давно, трудясь в бакалейной лавке, с замиранием ждал долгожданного ответа из Оксфорда.

И вот долгожданный день настал. Загодя наведавшись в типографскую контору, Свен сделал несколько копий своих чертежей для всех участников предстоящего заседания, внимательно следя, чтобы ни один листок не пропал. Явившись за полчаса до начала, он нервно мерял шагами коридор из конца в конец перед дверями в зал заседаний, не в силах усидеть на месте.

Когда его, наконец, пригласили, он обошёл залу, раздавая членам комиссии папки, из всех сил стараясь, чтобы при этом от волнения не сильно дрожали руки.

– Можете начинать, – не глядя на выступающего, любезно разрешил председатель совета, открывая первую страницу предложенного к рассмотрению документа.

Положив портфель на кафедру, Свен привычно вооружился мелом и прошёл к установленной тут же доске, правда, размерами уступавшей той, на которой был воссоздан оригинальный чертёж Машины.

– Господа, позвольте предложить вашему вниманию уникальную технологию, которая изменит наш мир! – торжественно обратившись к аудитории, начал он.

В зале царила мёртвая тишина, и ободрённый этим Свен продолжал:

– Если вы обратите своё внимание на графу расчётов, показанную на странице шестьдесят четыре, – сидящие в зале послушно зашелестели папками, – то увидите, что предложенная мною система позволяет преодолевать не только время, но и пространство, – сидящий по правую руку от председателя декан кафедры физики, вчитавшись, хрюкнул и прижал ко рту кулак.

– Также, опираясь на основы квантовой физики, подкреплённые теорией четвёртого измерения...

– Простите, профессор, – небрежно пролистав увесистую стопку листов и чертежей, исписанных аккуратным убористым почерком, и небрежным жестом оборвав вошедшего в раж докладчика, иронично поинтересовался глава попечительского совета университета. – Позвольте мне уточнить. Правильно ли я вас понял? Вы хотите сказать, что собрали нас всех здесь, чтобы предложить нашему вниманию Машину... времени?

В зале заседаний послышалось несколько несдержанных смешков.

– А разве вы сами не видите? – Нордлихт указал рукой на доску позади себя. – Это же настоящий переворот. Господа, это революция!

– Заседание закрыто, вам отказано в попечительстве, – властно вынес вердикт председатель.

– Но вы же не дослушали, – попытался было возразить Свен. – Если обратиться к следующему чертежу... Я ещё не показывал слайды.

Но совет попечителей больше не желал его слушать.

– Достаточно. За прилежную учёбу вас поощрили степенью профессора, и как вы употребили её? На выдуманные мифы и сказки. Призрачные иллюзии, которыми засоряют мозги обществу писаки, возомнившие себя пророками. Ваши идеи надуманны, а теоремы бездоказательны, – глава попечительского совета иронично скривил мясистые губы и сузил пороссячьи глазки. – Вы плохой учёный, профессор Нордлихт... Заседание окончено, господа.

В Машину никто не верил. Свену никто не верил. Родной университет, которому он верой и правдой служил столько лет, хохотал над ним от души. Даже несмотря на все представленные доказательства и выкладки. Может быть, он попросту шёл впереди своего времени? Время, сколько же его ещё должно пройти...

Несправедливо.

Его профессорская честь опозорена, а идея всей жизни осмеяна. Свен никогда не любил алкоголь. Точнее, был к нему равнодушен. Но после всех усилий, стараний и бессонных ночей над ним попросту посмеялись, посчитав шутком перед лицом родной кафедры и всего университета. Самое противное было то, что он стал посмешищем не только в глазах коллег, но и своих студентов.

Сидя в какой-то захолустной забегаловке и потягивая кислое пиво в заляпанном вытянутым бокале, он пытался представить, как будет жить дальше. Как существовать после того, как мечта, которую он лелеял и вынашивал как родного ребёнка столько лет, в одночасье разлетелась на миллионы кусочков, словно опрокинутая на паркет ваза из хрустала.

Расположившийся на полукруглой сцене небольшой блюзовый бэнд неторопливо музицировал витиеватую мелодичную импровизацию. Два колоритных молодых певца в чёрных пиджачных парах и чёрных шляпах, изредка подпевая мотиву, подкрепляли слова трелями хрипловатой гармоникки. На барабане ударника значилось название группы «Джарвис и Манкимен».

*Пришла ты во сне, словно чёрная кошка,
Манила губами, качнула бедром.
Как дивный дурман, непокорная крошка,
Как чудный волшебный сон...*

Вслушиваясь в слова песни, Свен вспомнил ту заветную ночь, когда ему было чудесное видение первых набросков его невероятного по своей сути, а на поверку никому не нужного изобретения. Как он был молод и наивен! Тогда казалось, что за раскрытыми дверями Оксфорда его ожидает целый необъятный мир, который покорно ляжет к его ногам. Свен горько усмехнулся, допивая пиво. Много воды утекло.

*Стёр башмаки и сижу у дороги,
Дружище Иисус, я устал.
Прострелено сердце и стоптаны ноги,
Гитару за душу загнал.
Сижу я один и смотрю на тот камень,
Что стонет в пыли сотню лет.
Кто скажет, что делать, бороться иль сдаться,
Увижу ль ещё в жизни свет...*

Свен воскресил в памяти наполненные кропотливой учёбой и беззаботными радостями студенческие годы, его сверстников и друзей. Где они сейчас, чем занимаются? Стал ли Джибс Стивенсон известным спортсменом или даже олимпийским чемпионом, а кто-нибудь из соратников по шахматному кружку признанными гроссмейстерами? Как у каждого из них сложилась жизнь? Ни о ком из них с тех самых пор Свен ни разу больше не слышал.

Интересно, как там сейчас Альберт? Чем он занимается?..

И тут Свена словно пронзил разряд тока.

Альберт Кох, с которым он делил комнату все годы обучения. Сын известного британского мецената, склонный к наукам, но пресыщенный богатством повеса, сорящий банкнотами налево и направо. Они не видели друг друга вот уже почти целых пять лет.

В мозгу Свена робким лучиком затеплилась надежда. Отставив бокал, он полез во внутренний карман пиджака за записной книжкой. Может, Альберт и его состоятельный, когда-то возлагавший на них большие надежды отец смогут ему помочь или, на худой конец, по крайней мере, выслушают до конца?

Листая густо исписанные телефонами и адресами, накопившимися за последние годы, странички, он очень надеялся, что не потерял телефонный номер оксфордширской усадьбы своего университетского друга. К его великой радости, номер Альберта сохранился.

Оглядев помещение паба и заметив в дальнем углу возле стойки висящий на стене телефонный аппарат, Свен подхватил портфель и пошёл к нему.

– Можно от вас позвонить? – на ходу поинтересовался он.

– Разумеется, сэр, – кивнул хозяйничающий за стойкой бармен.

Плечом прижимая трубку к уху, Свен опустил монету в приёмник и набрал номер АТС.

– Оператор пятнадцать-восемьдесят-пять-два ноля, – откликнулась девушка-оператор на другом конце провода. – Слушаю вас.

– Здравствуйте, вам звонят из Буффало, штат Нью-Йорк. Америка, – удобнее перехватив записную книжку, заторопился Нордлихт. – Барышня, соедините меня, пожалуйста, с номером, – он чётко продиктовал адрес. – Оксфордшир. Англия. Звонок за счёт абонента.

– Минуточку.

Закрыв глаза, Свен молился, чтобы приятель оказался дома. Через тридцать-сорок секунд ожидания на другом конце провода послышался чуть пререзаемый помехами степенный мужской баритон, который неторопливо поинтересовался:

– Хэлло! Усадьба Кох. Слушаю?

– Фредерик, это вы? – на всякий случай уточнил Свен, хотя даже с расстояния безошибочно узнал голос чопорного дворецкого.

– С кем я разговариваю?

– Фредерик, здравствуйте! С вами говорит Свен Нордлихт, старинный друг Альберта Коха по Оксфорду.

– Я помню вас, сэр, – неторопливо тянул дворецкий. – Здравствуйте, сэр.

– Фредерик, можно мне поговорить с Альбертом? Он дома?

– Да, сэр. Разумеется, сэр.

На другом конце провода наступила тишина – по всей видимости, дворецкий пошёл искать своего молодого хозяина. Свен порадовался, что благоразумно заказал звонок за счёт абонента. Ничего, извинится при личной встрече.

– Свен! Дружище! Аха-ха-а! – радостный знакомый окрик разорвал тишину эфира так неожиданно, что Свен чуть не выронил трубку. – Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуй, Берти! Рад тебя слышать!

– А уж я-то как рад, старина! – продолжал голосить динамик. – Как ты?

– Да потихоньку. Преподаю в одном американском университете, – начал было Свен, но тут же вспомнил своё недавнее выступление на заседании попечительского совета и с грустью добавил: – Точнее, преподавал.

– Что-то случилось?

– В общем-то, да, – убрав телефонную книжку в карман, Нордлихт нервно затеребил телефонный провод, механически наматывая его на палец. – Слушай. Помнится, твой отец интересовался всевозможными техническими изобретениями и инновациями?

– Ну?

– Так вот, – Свен с замиранием сердца приступил к изложению самого главного. – У меня на руках одна уникальная разработка, и я бы хотел её ему показать. Что скажешь?

– Скажу, что это отличная идея! – воскликнул Альберт. – Конечно же, приезжай! Мы будем рады тебе в любое время.

– Спасибо, Берти, – обрадовался Свен. – Я постараюсь вылететь как можно быстрее.

– О'кей, старик! Как возьмешь билет, постарайся перезвонить ещё раз, я пришлю за тобой машину в аэропорт.

– Договорились!

– Обнимаю! – попрощался Альберт, и Свен повесил трубку. – До встречи!

Вернувшись за столик и заказав ещё пива, он впервые за весь день улыбнулся, слушая задорный мотив, который со сцены затянули Джарвис и Манкимен.

Свен возвращался в Англию.

Глава седьмая

Мы шли по лестнице,
Разговаривая о разных событиях,
На которых меня не было...
Он сказал, что я был его другом,
Появившимся внезапно.
Я ответил ему прямо в глаза,
Что думал, что он умер
Уже очень давно...

О нет, не я!
Я никогда не терял контроль.
Ты – лицом к лицу
с человеком, продавшим мир...

Смеясь, я пожал его руку
И хотел пойти домой,
Я хотел найти себя,
В течение многих лет я бродил
И присматривался
Ко всем тем миллионам...
Я должен был умереть с ними!
Очень давно...

Nirvana, «The Man Who Sold the World»

В аэропорту Хитроу Свена дожидался знакомый «Роллс-Ройс» с тем же водителем, с той разницей, что он прибавил в годах и немного в весе. Наблюдая в окно проносящиеся пейзажи Оксфордшира, Свен ощутил ностальгию, будто он отсюда никуда и не уезжал.

Как же обманчива жизнь и беспощадно время. Интересно, а как сейчас выглядит Альберт? Через каких-то несколько минут они снова встретятся, как в старые добрые времена. Только оказавшись в Англии, Свен в полной мере понял, как же успел по нему соскучиться.

Усадьба Кохов внешне ничуть не изменилась, за тем исключением, что на подъездной аллее сменили гальку да на могучих викторианских стенах заметно поубавилось выюнка. Всё это Свен разглядывал, пока выбравшийся из салона водитель обходил «Роллс-Ройс», чтобы открыть пассажирскую дверь.

Свену не особо нравились все эти чопорные традиции, но приходилось играть по правилам. Дверь открылась, и едва Нордлихт выпрямился, как на него с радостным воплем налетел Альберт, сжимая в крепких объятиях.

– Дружище! Наконец-то! Ты здесь!

– Привет, Берти! – Свен крепко обнял старого друга. – Как же я рад тебя видеть!

– Столько лет...

Они отстранились друг от друга, не разжимая объятий.

– Не постарел ни на год, – Свен оглядел Альберта.

– Ха! А у тебя виски сесть начинают.

– Ну, я же все-таки теперь профессор, – улыбнулся Нордлихт, видя, как по ступеням к машине спускаются родители Берти. – Имидж обязывает.

– Мама, папа, он здесь! – провозгласил Альберт, обнимая друга за плечи одной рукой. – Представляете, наш малыш теперь профессор, не больше и не меньше.

– Свен, милый, как мы рады вас видеть, – лучезарно улыбалась приблизившаяся миссис Кох. – И совсем не изменились.

– Добро пожаловать в нашу усадьбу, мистер Нордлихт, – протянул худощавую руку Генри Кох. – Итак, мы снова с вами встретились. Надеюсь, ваше путешествие было приятным и не обременительным.

– Меня грело ожидание скорой встречи с близкими людьми, – Свен крепко ответил на рукопожатие.

– Генри, ну разве он не милый. Я велела приготовить для вас ту же самую комнату, что и в тот раз, когда вы гостили у нас с Бerti на каникулах, будучи ещё студентами, – продолжала ворковать миссис Кох. – Так что можете располагаться и по-прежнему чувствовать себя, как дома.

– Благодарю вас, миссис Кох. А где Грета? – Свен только сейчас обратил внимание, что во встречающей его семье он не видит очаровательную сестру Альберта.

– В Париже, – объяснил тот, многозначительно переглянувшись с родителями. – Она так упрашивала, что пришлось отпустить её погулять по Елисейским Полям, под присмотром подруги.

– Да что же мы, право слово, – всплеснув руками, спохватилась супруга Генри Коха. – Свен, родной, вы же наверняка проголодались с дороги. Распорядиться подать вам чего-нибудь? Обед, правда, закончился, но на кухне наверняка найдётся что-нибудь съедобное на скорую руку.

– Не стоит беспокоиться, я перекусил в самолёте, – поспешил заверить хозяйку Свен.

– Ну да, – усмехнулся Альберт и забавно искажил голос, имитируя речь стюардессы: – Вам сэндвич с тунцом или сэндвич с тунцом, сэр? И они ещё называют это едой. Давай-давай, я составлю тебе компанию. Совершим небольшой налёт на священные владения нашей несравненной поварихи Кристины. С её извечной страстью к готовке, я думаю, она только обрадуется лишнему голодному рту.

Все засмеялись, и, отобрав у водителя сумку, Альберт, снова обняв Свена за плечи, увлёк его по ступеням в просторный холл. Разместившись в знакомой комнате и переодевшись с дороги, Свен в компании Альберта спустился в кухню, где им перепало по порции хорошо прожаренного на открытом огне рубленого бифштекса в салатно-яичной заправке со свежими пряными травами и румяными сырными тостами.

Отдавая должное гастрономическому искусству поварихи семейства Кохов, Свен и Альберт наперебой обсуждали события минувших лет, делились новостями и не прекращали смеяться, вспоминая замечательные годы учёбы в колледже. Беседа продолжилась на свежем воздухе, когда приятели, отлично перекусив и приправив еду бокалом вина, немного прогулялись по окрестностям, наблюдая, как на усадьбу мягким покрывалом опускается вечер.

Утопающие в распускающейся весенней зелени прилегающие к усадьбе холмы и пастбища напомнили Свену конные прогулки с Гретой. Вспомнив прекрасную юную девушку, он прислушался к своему сердцу и не обнаружил там отклика. Они столько не виделись, не считая пары раз в университете, когда он, дочитав историю Джейн Эйр, возвращал ей книгу.

Тогда они посидели в одном из многочисленных уютных кафе, которыми изобилует Оксфорд, и просто поболтали о том о сём, радуясь компании друг друга. Потом он проводил девушку до её колледжа и после не видел её почти целых семь лет.

Наверное, она изменилась за эти годы, из юной леди превратившись в зрелую самостоятельную женщину. Свен даже не пытался представить Грету рядом с собой. Занятый беспрестанными научными изысканиями, он никогда особо не обращал внимания на вещи,

касавшиеся сердечных дел, хотя умел ценить красоту. Да и на что они могли рассчитывать, в конце концов. Это было просто мимолетное знакомство, не более того.

Когда Альберт и Свен, возвращаясь, подходили к крыльцу усадьбы, их уже терпеливо поджидал застывший, словно изваяние, старый, как само здание, дворецкий Фредерик.

– Господин Генри просил передать, что по возвращении будет ожидать вас в своем кабинете, джентльмены, – в своей привычно-неторопливой манере обратился он к Свену и Альберту, переводя взгляд с одного на другого.

– Спасибо, Фред. Ну что, пора поговорить о твоём деле, – Альберт посмотрел на Свена, и тот кивнул. – Тогда пошли. Не будем заставлять отца ждать.

В кабинете мистера Коха всё оставалось по-прежнему, или Свену, по крайней мере, так показалось на первый взгляд. Всё тот же строго-выдержанный викторианский стиль. Персидский ковёр с витиеватым узором. Великолепные картины, не жалующийся на память Свен разглядел несколько новых, среди которых была даже одна кисти Веласкеса.

Небольшая коллекция оружия, со стены над уютно гудящим камином на него безжизненными глазами смотрела огромная голова оленя с роскошными ветвистыми рогами.

– Господа, располагайтесь, прошу вас, – работавший с какими-то бумагами Генри Кох поднялся из-за стола. – Надеюсь, вы подкрепились и отдохнули, Свен?

– Да, сэр, спасибо.

– Прекрасно, – кивнул Кох-старший, словно ожидал подобного ответа. – «Гармоничное состояние тела и духа позволяет держать в сосредоточении разум. Когда мир начал существовать, разум сделался его матерью, и тот, кто сознаёт, что основа жизни его – дух, знает, что он находится вне всякой опасности. Когда он закроет уста и затворит врата чувств в конце жизни, он не испытает никакого беспокойства».

– Лао-Цзы.

– Браво, мистер Нордлихт!

Когда бокалы были наполнены бренди и щедро сдобрены льдом, мужчины устроились в удобных креслах вокруг уютно полыхающего камина, Генри Кох закинул ногу на ногу и внимательно посмотрел на Свена, сложив пальцы замком.

– Итак, мистер Нордлихт, – выдержав паузу, наконец начал он. – Сын сказал, что у вас есть ко мне какое-то дело. Расскажите о нём.

– С удовольствием, сэр. Я хотел бы показать вам своё изобретение, над разработкой которого трудился много лет, – отставив бокал и придвинувшись на край кресла, с волнением начал Свен. – Я показал его попечительскому совету университета, в котором преподавал, но в гранте мне отказали. Прошу, не считите это за наглость, но я решил обратиться к вам за помощью в надежде, что вы выслушаете меня...

– И помогу с финансированием, – закончил за него Генри Кох.

– Да, сэр, – смущённо ответил Свен, но тут же нашёлся, вспомнив, что захватил с собой драгоценный портфель: – Могу показать вам выкладки и чертежи. Тут всё подробно расписано и объяснено с соответствующими документациями и приложениями...

– Видите ли, друг мой, – сделав мягкий останавливающий жест и встав с кресла, Кох-старший неторопливо прошёлся перед креслами, в которых сидели юноши, заложив руки за спину. – Само провидение, нет, сама Судьба, – он особо выделил последнее слово, – вновь сводит нас вместе. Что в очередной раз наглядно подтверждает тот факт, что наши жизненные пути и предназначения тесным образом переплетены.

Свен переглянулся с Альбертом, который преданными глазами смотрел на отца, жадно ловя каждое его слово.

– Боюсь, я не совсем понимаю вас, сэр.

– Теперь вы уже не тот робкий юноша, представший передо мной много лет назад. Но профессор и изобретатель, который, как и все присутствующие здесь, одержим некоей

Идеей, – остановившись напротив камина, отец Альберта некоторое время пристально всматривался в лизавшие поленья багряные языки пламени и неожиданно повернулся на пол-оборота. – Что бы вы сказали, если бы в ответ на ваше предложение я, в свою очередь, сделал бы вам своё?

– Я слушаю, сэр, – с готовностью кивнул Свен.

– Следуйте за мной, господа.

С этими словами он всё так же неторопливо вышел из светового пятна, отбрасываемого камином, и только тут Свен заметил ещё одну дверь, которую до этого просто не замечал в сумраке, таящемся по углам.

Над дверью находилось ещё одно помещение, но в несколько раз меньше кабинета и больше похожее скорее на келью. Сходство дополняло множество горящих, сочащихся густым воском свечей, разбросанных тут и там, озаряющих помещение тусклым матовым светом, тем самым добавляя ему загадочности.

Рассматривая всё это таинственное и роскошное убранство, Свен неожиданно почувствовал, как у него всё холодеет внутри. Всюду, куда бы он ни бросил взгляд, на него смотрели кресты с загнутыми концами, направленными либо по часовой стрелке, либо против неё.

Символы солнца, страшным клеймом отпечатавшиеся в его душе. Свастики. Заметив, что и ковер украшен подобным знаком, Свен поспешно, словно ему обожгло подошвы, сделал несколько шагов назад, отступая на паркетный пол.

Здесь было собрано большое количество необычных предметов, включая золочёную пирамиду, увенчанную раскрытым глазом, от которого в разные стороны струились лучи, которую Свен видел во время своего первого посещения особняка Кохов.

Над всем этим монументально возвышалось огромное полотно в богатой позолочённой раме, писанное маслом неизвестным мастером и изображавшее гигантского чёрного волка с красными глазами, все четыре лапы которого были опутаны цепью.

Изображение было настолько натуралистично-правдоподобным, что Свену на миг показалось, будто чудовище вот-вот высвободится из своих оков и, соскочив с полотна, набросится на него.

– Не стоит бояться, друг мой. Хотя согласен, нужно отдать должное непревзойдённой кисти художника. Его четвертовали. Это Фенрир, мифический волк, сын бога Локи, – заметив, что картина привлекла внимание юноши, начал рассказывать легенду отец Альберта. – Но он был так велик и страшен, что только отважный Тюр осмеливался подходить к нему. Пророки предупреждали небожителей, что Фенрир рождён на погибель богам, но даже просто посадить его на цепь не удавалось никому. Первую цепь, которая называлась Лединг, брошенную ему на шею, Фенрир разорвал, как тонкую нить. Вторая цепь, Дроми, разлетелась на мелкие части.

И только третья, волшебная цепь Глейпнир, скованная по просьбе богов чёрными карликами-цвергами из шума кошачьих шагов, дыхания рыб, птичьей слюны, корней гор, жил медведя и бороды женщины, смогла удержать страшного зверя.

Набросив на шею Фенрира цепь, боги хотели доказать, что она не причинит ему никакого вреда. Ради этого Тюр положил свою правую руку в пасть Фенрира. Волк откусил кисть Тюру, однако боги успели приковать чудовище к скале. Пророки предсказывали богам, что перед наступлением конца света Фенрир разорвёт оковы, вырвется на свободу и проглотит солнечный диск, а в последней битве богов с чудовищами и великанами он проглотит Одина.

– Очень увлекательная легенда, мистер Кох, я тоже немного знаком с мифологией, – учтиво ответил Свен, всё ещё не в силах справиться с потрясением от увиденных свастик. – Но к чему вы её рассказываете?

– Эта легенда имеет прямое отношение к делу, которое я собираюсь вам предложить. Я и мой сын состоим в так называемом Арийском Братстве, – видя изменившееся лицо Свена, продолжал спокойно рассказывать Кох. – К фашизму это не имеет никакого отношения, мистер Нордлихт, можете мне поверить. Это дела давно и безвозвратно ушедшего прошлого, воспоминание, кровавое пятно на теле истории. Братство преследует немного иные цели и имеет в своём распоряжении совершенно иные средства для их быстрой достижения.

– Некоторые пятна так никогда и не смываются, сэр, – негромко заметил Свен.

– Это зависит от того, каким способом их выводить, – веско заметил Кох-старший. – Достаточно просто приложить определённые усилия и набраться терпения. И когда холст становится девственно чистым, приходит время наполнить его пустоту новым смыслом.

– Мы мечтаем возродить Третий рейх, Свен, – впервые за время беседы подал голос Альберт. – Верно, отец?

При этих словах Нордлихт дернулся как от пощечины, понимая, что в его жизни что-то начинает вновь необратимо меняться. Он посмотрел на друга, которого знал столько лет и с которым они столько всего пережили вместе, внезапно отчётливо осознавая, что перед ним стоит совершенно незнакомый и чужой человек.

А Грета? Неужели хрупкая, весёлая жизнерадостная девушка тоже была отравлена этим смердящим ядом извращённого, скрытого фанатизма. Свен не в силах был в это поверить. Не хотел. Не мог.

– Именно так, мой сын. Но не в том понимании, как вы сейчас, наверное, подумали, Свен. Гитлер и его последователи теперь не более чем бестелесные призраки, химеры. Его слепила власть. Фюрер желал, чтобы его все боялись, не прислушиваясь к великой мудрости, – подойдя к небольшому столику, Генри Кох взял с подноса роскошный позолоченный жезл, украшенный драгоценными камнями, и стал с видом знатока любоваться им. – Тот, кто ничего не боится, более могуществен, чем тот, кого боятся все. Мир оправился от войны, но он по-прежнему остаётся пустым холстом, на котором ничего нет. И он может таким и остаться, если не начать своевременно принимать меры и не приступить к смешиванию новых красок.

– Боюсь, я не совсем понимаю, к чему вы ведёте, сэр, – судорожно сглотнув, пробормотал Свен, у которого от всего услышанного начинала кружиться голова. – При чём здесь Арийское Братство?

– Разумеется, я объясню. Волею судьбы в моём распоряжении оказались многочисленные уникальные чертежи и наработки ведущих нацистских инженеров, которые так и не успели их реализовать. Невероятное наследие, способное заново переписать мировую историю. Придуманное ими амбициозно, а предлагаемые результаты невероятны. Гитлер оставил после себя богатейший научный массив, мой друг. Но, к сожалению, среди нашего Братства нет толкового учёного, который смог бы их расшифровать, изучить и сконструировать полноценный действующий аппарат. Нужен особенный человек, талантливый, целеустремлённый, – положив жезл на место и перейдя к секретеру резного красного дерева, Генри Кох открыл его и извлёк на свет толстую папку с косой надписью на немецком, выведенной трафаретом. – А главное, тот, которому мы могли бы довериться. Теперь вы понимаете меня, мистер Нордлихт?

– Вы хотите, чтобы я что-то для вас сконструировал, сэр?

– Именно! – прищёлкнул пальцами Альберт. – Быстро схватываешь, старина.

– Я ни в коем случае не намерен нажимать на вас, мистер Нордлихт. Но, поверьте, наше сотрудничество может быть взаимовыгодным и принести невероятные плоды, – Генри Кох протянул Свену папку, и тот машинальным движением взял её. – Проект «Клык Фенрира» очень важен для нас. В легенде пророки предсказывали богам, что перед наступлением конца света пленённый волк разорвёт оковы, вырвется на свободу и поглотит солнечный диск, а

в последней битве богов с чудовищами и великанами он проглотит Одина. В нашем случае «Фенрир» своими клыками перекуёт всё заново, и старый мир сгорит в огне горнила, вспахав почву для нового прекрасного будущего.

– Прекрасно сказано, отец, – восхищённо сказал Альберт.

– Лазерное оружие? – открыв папку и перелистнув несколько страниц, Нордлихт удивлённо поднял брови.

– Как видите, моё предложение может превратить вас из просто профессора с жаждой к изобретательству в великого учёного, Свен, – Кох-старший внимательно за ним наблюдал. – Вы молоды, энергичны, полны новых идей и можете обессмертить своё имя в веках.

– Но как вы себе это представляете? – Свен почувствовал, как, отесняя обычного человека, в нём начинается просыпаться привычный учёный азарт. – Если у немецких конструкторов не получилось создать такое орудие, почему вы думаете, что получится у меня?

– У них не *не* получилось, – Генри Кох поднял палец. – Они попросту не успели и были смяты пожарищем войны. Будь у них чуть больше времени на исследования, кто знает, как бы всё повернулось и что бы было с нашей планетой сейчас.

Свена внезапно осенила новая, внезапная догадка.

– И вы хотите, чтобы я построил её в одиночку?

– Вы не будете ни в чём нуждаться, всё необходимое я смогу достать. От вас будет требоваться просто своевременно предоставлять списки необходимого, и оно будет доставляться в самые кратчайшие сроки.

– Но это же чистой воды безумие! Такие проекты разрабатывают целые исследовательские институты или лаборатории, я не справлюсь один.

– Всё должно быть секретно, – Генри Кох серьёзно покачал головой. – Действуя в интересах Братства, я не хотел бы обременять себя слишком большим количеством посвящённых во избежание ненужной огласки. А лабораторию я вам предоставляю, Свен. У вас получится, я уверен.

– Я тебе помогу, дружище, – поспешил заверить друга Альберт. – Можешь на меня рассчитывать. Как в старые добрые времена.

– Если вы сконструируете для Братства функционирующий опытный образец, который будет возможно поставить на массовый конвейер, вы получите в своё распоряжение неограниченные средства и поддержку могущественных покровителей, чтобы реализовать тот проект, ради которого вы обратились ко мне, – Генри Кох подошёл к Нордлихту. – Я даю вам своё слово, Свен.

Юноша колебался, невольно продолжая читать.

– Я не собираюсь завоёвывать мир, – продолжал со спокойной уверенностью нажимать Кох-старший. – Но только желаю изменить его. Неужели вы сами не хотели бы этого? От совершенной утопии человечество отделяет всего лишь вот эта папка с чертежами. Подумайте, я не тороплю вас. Бумаги оставьте себе, это поможет вам принять правильное решение.

Внутри Свена бурлил клокочущий вулкан самых противоречивых чувств и эмоций. С одной стороны, ему претила сама мысль быть втянутым хоть во что-то, что могло быть связано с загнанным в преисподнюю молохом войны. С другой стороны, перспектива попробовать свои силы и вдобавок получить неограниченную финансовую поддержку для создания его Машины кружила молодому изобретателю голову.

– Я подумаю над вашим предложением, мистер Кох, – наконец принял решение он.

– Прекрасно, мистер Нордлихт, – Генри Кох со сдержанной благодарностью чуть склонил голову. – Я был уверен, что могу рассчитывать на ваше благоразумие.

– Ну, а раз так всё замечательно начинается, не поднять ли нам тост за успешное начало? И за твоё здоровье, дружище! – азартно предложил Альберт, выходя из кельи в кабинет отца. – Пожалуй, я смешаю коктейли.

– Да, я бы чего-нибудь выпил, – задумчиво обдумывая всё услышанное, машинально проговорил Свен, засовывая папку с чертежами под мышку и бросая последний взгляд на картину со скалящимся волком. – И покрепче.

Позже, лёжа в кровати, он думал обо всём том, что услышал сегодня вечером. И никак не мог разобраться в своих путающихся мыслях и чувствах. Альберт, которого Свен, как ему казалось, успел хорошо узнать, внезапно открылся для него с совершенно неожиданной стороны.

Тайное Арийское Братство, жаждущее снова возродить Третий рейх! Сколько ещё мир будет задыхаться от неисчерпаемой боли, страданий, словно из дьявольского рога изобилия сеющими такими вот людьми, как отец Альберта, пусть даже и из благих побуждений.

Ведь что бы там витиевато ни расписывал Кох-старший про благословенный мир и светлое будущее, Свен знал, что это не так. Ему предлагали сконструировать оружие. Чудовищный по своей силе и мощи инструмент разрушения, способный превращать целые города в кружащийся на ветру пепел.

Оружие, по силе и могуществу которому не было равных в истории человечества.

Свен был на войне, видел ужас концлагеря и сотни замученных, ни в чём не повинных людей, которых, словно скот на бойню, безжалостно подталкивали на верную смерть. И не исключено, что это была воля таких людей, как Генри Кох, чинно трапезничающих с семьёй за белыми скатертями, пока немецкие сапоги втоптывали детские тела в пузырящуюся под ливнем придорожную грязь.

Погружённый в тяжёлые мысли Свен, наконец, забылся тяжёлым, тревожным сном, ему приснился могущественный волк Фенрир, который, преследуя, гнался за ним.

На следующее утро, спускаясь в гостиную к завтраку, Свен понял, что определился с решением. Он пока понятия не имел, как станет действовать, но твёрдо решил не упускать предоставляемый ему шанс. Судьбу не стоило искушать дважды.

– Доброе утро, дружище! Как спалось? – приветствовал сидящий за пустым столом Альберт, листая утреннюю газету и потягивая кофе. – Присоединяйся, родители встанут позаранку и поэтому решили тебя не будить. Я решил не бросать тебя в одиночестве, поэтому успел прогуляться до озера и сейчас бы, наверное, быка съел. Кристина нам накроет.

Обходительная повариха семьи Кохов не заставила себя долго ждать. Меню состояло из копчённого в меду бекона, деликатесной ветчины, припущенных томатов, жареных грибов, яичницы и омлета, тостов, сосисок, кровяной колбасы, разнообразных мармеладов и свежих фруктов. Глядя на всё это гастрономическое великолепие, Свен невольно слотнул слюну.

– И ты думаешь, что мы это всё съедим? – поражённый таким обилием, поинтересовался он.

– Чего тут есть-то, я тебя умоляю. В колледже и то сытнее кормили. Лёгкий, но плотный завтрак как хороший способ зарядиться энергией, что может быть лучше отличным весенним утром? К тому же все эти восхитительные деликатесы специально доставляются к нам из двух соседних графств, – продолжал разглагольствовать Альберт, когда Свен сел рядом и они принялись за еду. – Кстати, вчера поздно вечером из Парижа звонила Грета, – накладывая на свою тарелку бекон, как бы между делом заметил Альберт. – Знал бы ты, как она обрадовалась, когда узнала, что ты гостишь у нас, старина.

– Угу, – неопределённо откликнулся Свен, отправляя в рот дымящуюся порцию омлета и жареных грибов.

– Можно подумать, ты не рад, – иронично вскинул брови Альберт. – В прошлый твой приезд она с тебя глаз не сводила. Разговоры о книгах, лошадки, ла-ла-ла...

– Опять ты за свои подколы, Берти. Перестань. Конечно, я бы с ней с удовольствием повиделся, – проглотив очередной горячий кусок, согласился Свен. – Но не более того. У нас много работы.

– О, слова не мальчика, но мужа. Значит, ты подумал над предложением отца? – поинтересовался Альберт, когда они приступили к десерту.

– Да, подумал.

– И что скажешь?

– Нужно помещение, большое, – вода вилкой по плёнке из клубнично-йогуртовой подливки, остававшейся на тарелке, начал, сосредоточенно что-то взвешивая, рассуждать Свен. – Мощная вытяжка с реверсивной системой циркуляции воздуха, автономное энергопитание, способное выдержать большие перегрузки цепей. Очень большие...

– Стоп-стоп-стоп, – со смешком, словно принимая поражение, Альберт поднял руки, в одной из которых сжимал салфетку. – Не гони лошадей, старина. Сейчас закончим завтракать, и отец тебе всё покажет.

– Что именно? – не понял Свен.

– Пещеру с сокровищами, – допивая кофе, загадочно ответил Альберт. – Уверен, ты такого ещё никогда не видел.

В этой части особняка Свену никогда раньше не приходилось бывать. Шагая по длинному коридору, по обеим сторонам уставленному историческими рыцарскими доспехами с пышными плюмажами на шлемах, он то и дело ловил отражение своего удивлённого лица в зеркалах, развешанных по обеим сторонам коридора.

– Итак, мистер Нордлихт, – начал Генри Кох, когда они, наконец, остановились в конце коридора перед огромным зеркалом во всю стену, рядом с которым на резном пьедестале застыло скалящееся чучело северного волка. – Я рад, что вы приняли моё предложение и тем самым сделали правильный выбор. Действительно, перспективы весьма и весьма заманчивы, и, спешу ещё раз заверить, я сдержу своё слово, которое дал вам вчера. Но имейте в виду, что в первую очередь мы преследуем не личные выгоды, но трудимся на благо всего человечества. Таков основной постулат Братства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.